

Лауреат Пулитцеровской премии

ЭНН ТАЙЛЕР

СЛУЧАЙНЫЙ

ТУРИСТ

*Пронзительный и веселый роман. «Случайный турист»
является одной из лучших, если не самой лучшей
книгой Энн Тайлер.*

The New York Times

Энн Тайлер
Случайный турист

«Фантом Пресс»

1985

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Тайлер Э.

Случайный турист / Э. Тайлер — «Фантом Пресс», 1985

ISBN 978-5-86471-755-4

«Случайный турист» – один из самых известных романов Энн Тайлер. И это снова семейная история – о зыбкости отношений и жизни вообще, о попытках обрести себя, не вылезая из собственной скорлупы. Мэйкон Лири пишет путеводители, но он ненавидит путешествия всей душой. Его путеводители – коллекции сведений о том, как в очередной вынужденной и невыносимой поездке ощутить себя как дома, минимизировать вмешательство в твою жизнь чужого и неприятного мира. На долю Мэйкона и его жены выпала страшная трагедия – бессмысленная гибель сына-подростка. С тех пор они словно потерялись в этой жизни и брак их стремительно разваливается. Отныне каждый пойдет своим путем – случайные туристы, бредущие куда глаза глядят в надежде, что однажды встретят попутчика. Печальный и очень смешной роман американского классика о том, как страшное и комичное шагают рука об руку, как привычки пытаются заглушить жизнь, как в обыденном таится ужас, а в неведомом – надежда. Роман был номинирован на Пулитцеровскую премию. Книга удачно экранизирована, фильм удостоился премии Нью-Йоркской ассоциации критиков, а актриса Джина Дэвис получила «Оскар».

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-755-4

© Тайлер Э., 1985
© Фантом Пресс, 1985

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Энн Тайлер

Случайный турист

THE ACCIDENTAL TOURIST by ANNE TYLER

Copyright © 1985 by Anne Tyler

Книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Александр Сафронов, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

* * *

Энн Тайлер выросла в Северной Каролине. В университете она специализировалась в области русского языка, истории и литературы. В 1963-м она вышла замуж за детского психиатра и романиста иранца Таги Мохаммеда Модаресси. Ее муж, политический беженец, также писал романы, но на фарси. Через несколько лет пара переехала в Балтимор, где Энн Тайлер живет и поныне. Этот небольшой город стал местом действия многих ее книг. Работать над первым романом писательница начала вскоре после замужества, вышел он в 1964-м, но Тайлер впоследствии была крайне недовольна двумя первыми книгами, как-то в интервью даже призналась, что «с радостью бы сожгла их». Переехав в Балтимор, Энн Тайлер оставила писательство. И только в 1970-м она вернулась к литературе. Лучшим своим романом того периода Энн Тайлер считает «В поисках Калеба», книгу заметил и похвалил Джон Апдайк, написавший «Смешная, лиричная, честная и элегантная книга... Эта писательница не просто хороша, она дьявольски хороша». 1980-е в американской литературе стали десятилетием Энн Тайлер. Роман «Ужин в ресторане “Тоска по дому”» в 1983-м попал в число финалистов двух самых престижных американских премий – Пулитцеровской и премии Фолкнера, а также премии *American Book Awards*. Следующий – «Случайный турист» – снова оказался среди номинантов трех премий. И наконец, роман «Уроки дыхания» в 1989-м получил Пулитцеровскую премию и был назван многими изданиями «книгой года». Новый век Энн Тайлер встретила в статусе живого классика, каждая ее книга вызывала живейший интерес. В 2015-м ее роман «Катушка синих ниток» попал в короткий список премии «Букер», а также стал большим мировым бестселлером. Энн Тайлер по-прежнему живет в своем старом доме в Балтиморе, она крайне редко дает интервью и ведет практически затворнический образ жизни.

Глава первая

На взморье предполагалось провести неделю, но у обоих к отдыху не лежала душа, и они решили вернуться раньше. Мэйкон рулил. Сара сидела рядом, привалившись к окну. Сквозь ее спутанные каштановые пряди проглядывали кусочки хмурого неба.

Мэйкон был в своем дорожном летнем костюме, в котором, считал он, путешествовать гораздо разумнее, нежели в джинсах. Джинсы жесткие, у них эти грубые швы и заклепки. На Саре было махровое пляжное платье без бретелек. Казалось, супруги возвращаются из двух совершенно разных поездок. Сара загорела, Мэйкон – ничуть. Рослый, бледный, сероглазый, прямые светлые волосы коротко стрижены, он был из тех, кто обгорает мгновенно. И с полудня всегда прятался от солнца.

Едва выехали на разделенную отбойником автостраду, как небо почернело и крупные капли испятнали ветровое стекло. Сара выпрямилась.

– Хоть бы не полило, – сказала она.

– Короткий дождь не помешает, – ответил Мэйкон.

Сара откинулась на сиденье, не отрывая глаз от дороги.

Утро, четверг. Машин было немного. Обогнав грузовой пикап, потом фургон, весь обклеенный зазывными афишами. Капли на ветровом стекле сливались в струйки. Мэйкон включил дворники. Убаюкивающе шуршали щетки, тихонько барабанило по крыше. Временами задувал ветер. Дождем прибило высокую блеклую траву на обочинах. Косые струи лупили по лодочным причалам, дровяным складам и магазинам «Мебель со скидкой», уже успевшим потемнеть от влаги.

– Тебе видно хорошо? – спросила Сара.

– Вполне, – сказал Мэйкон. – Это пустяки.

Они догнали грузовик, с задних колес которого веером летели брызги. Мэйкон принял влево и обошел его. На мгновение их накрыло водяной пеленой, грузовик остался позади. Одной рукой Сара ухватила за приборную панель.

– Не понимаю, как ты видишь дорогу.

– А ты надень очки.

– Это улучшит твой обзор?

– Нет, твой, – ответил Мэйкон. – Ты вперила в стекло и не различаешь дорогу.

Сара не выпускала панель. Широкое гладкое лицо ее излучало покой, но, приглядевшись, вы бы заметили напряженность, затаившуюся в уголках глаз.

Машина стала их домиком. От дыхания стекла запотели. Кондиционер уже не работал, но еще чувствовались остатки искусственной прохлады, быстро превращавшейся в сырость, отдававшую плесенью. Проскочили под эстакадой. На пугающе бесшумную секунду дождь прекратился. Не успела Сара облегченно выдохнуть, как по крыше вновь забарабанило. Сара обернулась и тоскливо посмотрела на эстакаду. Мэйкон гнал вперед, руки его расслабленно лежали на руле.

– Ты заметил парня с мотоциклом? – спросила Сара. Сквозь неумолчный равномерный рокот, окутывавший их, говорить приходилось громко.

– Какого парня?

– Он стоял под эстакадой.

– В такую погоду мотоцикл – это безумие, – сказал Мэйкон. – Да и в любую другую тоже.

Ты уязвим для стихии.

– И мы могли бы там переждать.

– Сара, если б я почувал хоть малейшую опасность, я бы давно остановился.

– В этом я, знаешь ли, не уверена, – откликнулась Сара.

Они миновали поле, на котором дождь, ливший уже стеной, повалил кукурузные стебли и затопил межрядья. Водяные залпы бились о ветровое стекло. Мэйкон переключил дворники на максимально быстрый режим.

– Похоже, тебе безразлично, – сказала Сара. – Ей-богу.

– Безразлично? – переспросил Мэйкон.

– На днях я тебе сказала: Мэйкон, сказала я, после смерти Итана мне иногда кажется, что жизнь бессмысленна. Помнишь, что ты ответил?

– Сразу не вспомню.

– «Милая, – сказал ты, – если честно, я никогда не видел в ней особого смысла вообще».

Вот твои точные слова.

– Хм...

– Ты даже не понимаешь, что в них плохого.

– Наверное, нет.

Миновали ряд автомобилей, припаркованных на обочине, – затененные окна, на сверкающих капотах пляшут дождевые фонтанчики. Одна машина слегка накренилась, словно вот-вот свалится в кювет, где бурлил мутный поток. Мэйкон не сбавлял скорость.

– Неважный из тебя утешитель, – сказала Сара.

– Я стараюсь как могу, милая.

– Ты живешь своей прежней жизнью. День за днем по заведенному распорядку, по унылым привычкам. Никакого утешения.

– По-твоему, мне оно не требуется? – спросил Мэйкон. – Ты не единственная, Сара. Не понимаю, почему ты считаешь это своей единоличной утратой.

– Порой так оно и выходит.

Они помолчали. Волны из лужи, озером разлившейся посреди шоссе, ударили в автомобильное брюхо, машину повело вправо. Мэйкон тормознул и вновь дал газу.

– Вот, к примеру, этот дождь, – сказала Сара. – Ты же видишь, я нервничаю. Чего стоило бы переждать? Этим ты бы выказал заботу. Дал понять, что в горе мы вместе.

Мэйкон вглядывался сквозь ветровое стекло, под струями казавшееся мраморным.

– У меня своя система, Сара, – ответил он. – Ты же знаешь, я вожу по системе.

– Ох уж эти твои системы!

– И потом, если жизнь тебе кажется бессмысленной, чего уж нервничать из-за ливня.

Сара съежилась на сиденье.

– Ты только глянь! – воскликнул Мэйкон. – Фургон вообще смыло на другой конец стоянки.

– Я хочу развод, – сказала Сара.

– Что? – Мэйкон затормозил и уставился на жену. Машина вильнула. Мэйкон перевел взгляд на шоссе. – Что я такого сказал? Что не так?

– Просто я больше не могу с тобой жить.

Мэйкон смотрел на дорогу, однако нос его заострился и побелел, словно кожа на лице туго натянулась. Мэйкон прокашлялся.

– Милая. Послушай. У нас был трудный год. Тяжелое время. Такое часто бывает с теми, кто потерял ребенка. Все это говорят. Все говорят, это ужасное испытание для брака...

– Как только вернемся, я подыщу себе жилье, – перебила Сара.

– «Себе жилье», – эхом повторил Мэйкон, но так тихо, что за шумом дождя казалось, будто он беззвучно пошевелил губами. – Что ж. Ладно. Если ты и впрямь этого хочешь.

– Можешь забрать дом, – сказала Сара. – Ты же ненавидишь переезды.

Почему-то именно это ее доконало. Она резко отвернулась. Мэйкон включил правый поворотник. Заехал на заправку «Тексако», встал под навесом и выключил мотор. Потом начал

растирать себе колени. Сара вжалась в угол. Только стук дождя по высокому навесу нарушал тишину.

Глава вторая

Мэйкон думал, что после ухода жены дом покажется просторнее. Но в нем вдруг стало тесно. Окна сжались. Потолки давили. Настырная мебель как будто осаждала.

Сарины вещи, конечно, исчезли – всякая мелочь вроде одежды и украшений. Но неожиданно оказалось, что и кое-какие крупные предметы несут отпечаток ее личности. Ящики раскладного стола в гостиной, забитые надорванными конвертами и неотвеченными письмами. Приемник в кухне, настроенный на станцию «98 Рок». («Надо знать, чем дышат мои ученики», – говаривала Сара, когда, напевая, проворно накрывала завтрак.) Шезлонг, захвативший единственный солнечный пятачок на заднем дворе, – там она загорала. Разглядывая цветастое сиденье, Мэйкон поражался тому, что пустота может быть так полна следами человека: он слышал легкий аромат кокосового масла, всегда навевавший мысли о пина-колада, видел широкое блестящее лицо, непроницаемое за темными очками, и ладную фигуру в купальнике с юбочкой, о котором Сара слезно молила на свое сорокалетие. В душевом поддоне остались волосы из ее роскошной шевелюры. Опустевшая полка в шкафчике для лекарств, заляпанная сизоватыми пятнами жидких румян, мгновенно вызывала в памяти ее облик. Мэйкон всегда бранил жену за неряшливость, но сейчас эти пятна казались трогательными, словно разноцветные игрушки на полу, оставленные ребенком, которого отправили спать.

Средних размеров дом ничем не выделялся в ряду таких же домов на улице в старой части Балтимора. Раскидистые дубы укрывали его от палящего летнего солнца и вместе с тем защищали от ветра. В квадратных комнатах царил сумрак. Из Сариных вещей в шкафу остался только коричневый шелковый кушак, висевший на крючке, а в ящиках комода – ватные шарики и пустые флаконы из-под духов. В прежней детской был идеальный порядок, точно в гостиничном номере. Кое-где в доме слышалось что-то вроде эха. Мэйкон подметил, что по дому ходит бочком, стараясь не задеть мебель; он будто сомневался, что здесь его возьмут в постояльцы. И казался себе долговязым. Неуклюжие ступни где-то далеко-далеко внизу. В дверных проемах он пригибался.

Ну вот, говорил он себе, выпал шанс все переделать. В нем разгорался легкий неуместный интерес. Домоводство требовало определенной системы, чего Сара никак не понимала. Она была из тех хозяек, у кого вся посуда без разбору свалена в кучу. Ей ничего не стоило запустить посудомоечную машину ради горсти вилок. Мэйкона это раздражало. Он был противником посудомоечных машин вообще, считая, что они жрут электричество. Это было, можно сказать, его хобби. Экономия электроэнергии.

Теперь кухонная раковина всегда была наполнена водой с раствором хлорки, куда отправлялись грязные тарелки. Через день Мэйкон вынимал затычку и окатывал посуду очень горячей водой. Затем складывал тарелки в моечную машину, которая в его новой системе превратилась в объемистый посудный шкаф.

Когда он, скрючившись над раковиной, включал кран, зачастую возникало чувство, что Сара за ним наблюдает. Казалось, стоит скосить глаза – и он ее увидит: руки сложены на груди, голова склонена набок, четко очерченные пухлые губы задумчиво поджаты. На первый взгляд за ним просто наблюдали; на второй взгляд над ним (уж конечно) потешались. В глазах ее тлел хорошо знакомый огонек. «Понятно», – кивала она в ответ на какое-нибудь его пространное объяснение, и тогда он подмечал и огонек, и предательскую усмешку, затаившуюся в уголке рта.

В том видении (если это можно назвать видением, поскольку он ни разу не обернулся) Сара была в ярко-голубом платье, которое носила на заре их супружества. Бог его знает, когда она его выкинула, но, конечно, очень и очень давно. Казалось, это призрак умершей Сары. В каком-то смысле, думал Мэйкон, выключая воду, она *и впрямь* умерла – та юная пылкая Сара,

обитавшая в их прелестной первой квартире на Колд-Спринг-лейн. Мэйкон пытался вспомнить то время, но мысль, что Сара его бросила, искажала ее облик. Он представлял их знакомство в ту пору, когда оба только что вышли из детства, и теперь оно воспринималось всего лишь началом разлуки. В тот первый вечер, когда она, взглянув на него, погоняла кубики льда в бумажном стаканчике, оба уже начали движение к своему последнему тяжкому и горестному году вдвоем, к взаимной отчужденности, когда что ни скажешь, все невпопад. Они уподобились тем, кто, раскинув руки, бежит навстречу друг другу, но промахивается и, разминувшись, разбегается в разные стороны. В результате все окончилось ничем. Мэйкон устался в раковину, ощущая ласковое тепло, исходившее от тарелок.

Что ж, надо жить дальше. Надо жить дальше. Мэйкон решил поменять утренний душ на вечерний. Казалось, так выражается его приспособляемость, такая живость духа. Принимая душ, он напускал воды в поддон и, энергично топтался по белью, в котором был нынче днем. Потом выжимал и развешивал сушиться. Затем облачался в приготовленное свежее белье, тем самым избавляясь от стирки пижамы. Теперь в еженедельную стирку отправлялись только полотенца и простыни – полотенце всего два, но простыней куча. Последнее объяснялось тем, что Мэйкон разработал систему, позволявшую еженочно спать на чистых простынях, не утруждаясь застилкой постели. Он давно предлагал эту систему Саре, но та закоснела в своих привычках. Идея была в том, чтобы вообще отказаться от постельного белья, заменив его такими огромными конвертами, на швейной машинке состроченными из простыней. Мэйкон мысленно окрестил свое изобретение «Нательным мешком Мэйкона Лири». Новшество не требовало, чтобы его подтыкали под матрас, не сбивалось и не съезжало, легко заменялось и весило идеально для летних ночей. Зимой, конечно, пришлось бы чем-нибудь утепляться, но о зиме Мэйкон пока что не думал. Хватило бы сил прожить нынешний день и перебраться в следующий.

Порой Мэйкон, топчась на скомканном белье в душевом поддоне или забираясь в свой постельный мешок, разложенный на голом матрасе в ржавых пятнах, понимал, что, возможно, перегибает палку. Но не смог бы объяснить почему. Ему всегда нравился порядок, однако манией это не назовешь. Скорее всего, думал он, теперь и Сара в своей безалаберностихватила через край. Может быть, все эти годы они удерживали друг друга в разумных рамках, а вот порознь как-то размагнитились и напрочь сбились с курса. Сарина новая квартира, которую он никогда не видел, представлялась безумным хаосом: на плите кроссовки, на диване гора посуды. Подумать страшно. Мэйкон с удовольствием оглядывал собственное жилище.

В основном он работал дома, иначе, наверное, не уделял бы такого внимания домашнему укладу. Устроившись в офисном кресле, он на пишущей машинке, верой и правдой служившей ему еще в колледже, отстукивал путеводители для тех, кому приходилось совершать деловые поездки. Забавно, если учесть, что сам Мэйкон терпеть не мог путешествия. Стрелой промчавшись по заграницам – зажмурившись, задержав дыхание и тоскуя по надуманному домашнему уюту, – он возвращался домой и, облегченно выдохнув, выдавал на-гора пухлые книжицы в мягком переплете. *Случайный турист во Франции. Случайный турист в Германии. В Бельгии.* Имя автора не указывалось, один логотип на обложке – крылатое кресло.

Путеводители охватывали только города, ибо в деловых поездках «прибыл-убыл» никто не видит окрестностей. Да и городов-то, по сути, не видит. Командированным желательно обманчивое впечатление, будто и не было разлуки с родиной. Какие мадридские отели располагают большими матрасами «Сладкий сон»? Какие токийские рестораны предлагают заменить сахара? В Амстердаме есть «Макдоналдс»? В Мехико имеются закусовые «Тако Белл»? В Риме где-нибудь подают равиоли «Шеф Боярди»? Иные путешественники надеялись отыскать особенные местные вина, а читателей Мэйкона интересовало пастеризованное гомогенизированное молоко.

Насколько Мэйкон ненавидел путешествия, настолько обожал сочинительство, получая истинное наслаждение от упорядочивания беспорядочного, удаления несущественного и второсортного и собирания всего прочего в аккуратные сжатые абзацы. Иногда он брал сведения из других путеводителей, выклеивая ценные зернышки и отбрасывая ненужное. Проводил восхитительные часы в размышлениях над пунктуацией. Благочестиво и безжалостно выпалывал страдательный залог. Когда Мэйкон печатал, от усердия рот его слегка кривился, и никто бы не подумал, что он получает несказанное удовольствие. *Рад сообщить*, с угрюмой и напряженной миной долбил он по клавишам, *что отныне в Стокгольме можно купить «Жареного цыпленка из Кентукки»*, и, подумав, добавлял: *а также лепешки пита*. Непонятно, как это вышло, но с недавних пор лепешки эти стали таким же американским продуктом, как хот-доги.

– Конечно, ты справляешься, – по телефону сказала сестра. – Кто говорит, что нет? Но ты бы хоть известил нас. Три недели, это ж надо! Три недели, как Сара тебя бросила, а я узнаю об этом только сейчас. И притом случайно. Не попроси я ее к телефону, ты бы так ничего и не сказал?

– Никто никого не бросил, – возразил Мэйкон. – В смысле, все не так, как ты это подаешь. Мы поговорили как взрослые люди и решили расстаться, только и всего. Мне совсем не нужно, чтобы родичи мои причитали: ах, бедняжка Мэйкон, почему Сара с ним так поступила...

– Я и не думала причитать. Всем известно, что с мужчинами Лири жить трудно.

Мэйкон вздохнул.

– Где она? – спросила Роза.

– Живет где-то в городе, – сказал Мэйкон и добавил: – Смотри не вздумай суесться, приглашать ее пообедать и всякое такое. У нее есть свои родственники. А ты должна быть за меня.

– Я думала, ты не хочешь, чтобы мы принимали чью-то сторону.

– Нет, не хочу. Вернее, ты не должна принимать *ее* сторону, вот что я пытаюсь сказать.

– Когда Чарлз развелся, его жена по-прежнему с нами отмечала Рождество. Помнишь?

– Помню. – Мэйкон устало вздохнул. Речь шла об их старшем брате.

– Наверное, она бы и сейчас к нам приходила, если б снова не вышла замуж за какого-то иногороднего.

– Что? Будь ее новый муж балтиморцем, вы бы их обоих приглашали?

– Бывало, жена Портера, тогда еще не разведенка, и Сара усядутся в кухне и давай перемывать кости мужчинам Лири. Дескать, они такие, они сякие, все-то у них по полочкам, все загодя продумано, вечно они требовательны, словно и впрямь сумеют держать жизнь в узде. Ох уж эти Лири! Я так их и слышу. Потеха, на День благодарения Портер и Джун собрались куда-то ехать, детишки еще были маленькие, Джун уже в дверях, на руках у нее малышка, Дэнни цепляется за подол, да еще куча сумок с игрушками и провизией, но тут Портер орет «Стоп!» и начинает зачитывать список, который всегда составлял по кассовым чекам: *бутылочки, молочная смесь из холодильника, одеяло, пеленки...* Тут Джун глянула на подруг и закатила глаза.

– Что ж, проверить по списку совсем неглупо, когда имеешь дело с Джун.

– И заметь, список был в алфавитном порядке, – сказала Роза. – Уж я-то знаю, что это маленько облегчает борьбу с хаосом.

В ее кухне абсолютно все стояло по алфавиту, и оттого мускатный орех соседствовал с мышьяком. С ней было легко говорить о мужчинах Лири.

– Ладно, – продолжила Роза. – После ухода Сара давала о себе знать?

– Раз-другой появилась. Вообще-то, раз. Кое-что забрать.

– Что – кое-что?

– Ну, пароварку. И прочее в таком роде.

- Это предлог, – тотчас заявила Роза. – Пароварки есть в любом хозяйственном магазине.
- Сказала, ей нравится наша.
- Она проверяла, как ты. Ты ей небезразличен. Вы поговорили?
- Нет. Я просто отдал пароварку. И еще эту штуку – открывать бутылки.
- Ох, Мэйкон. Пригласил бы ее зайти.
- Я боялся, она откажется.

Помолчали.

– Ладно. Ничего, – наконец сказала Роза.

– Но я же справляюсь!

– Да, конечно.

Потом сестра сказала, что ей надо следить за духовкой, и повесила трубку.

В кабинете Мэйкон подошел к окну. Был жаркий день начала июля, от синевы неба резало глаза. Засунув руки в задние карманы брюк и упершись лбом в стекло, Мэйкон смотрел во двор. На дубе птичка высвистывала нечто похожее на три начальные ноты «Моей милой цыгачки»: спи... мо... я... Случится ли такое, подумал Мэйкон, что когда-нибудь он еще взгрустнет о теперешних временах? Это казалось невозможным, ибо в его жизни не бывало дней безрадостнее нынешних, но он знал, что время приукрашивает прошлое. Вот, скажем, птичка эта поет так чисто, нежно, проникновенно. Мэйкон отвернулся от окна, зачихнул пищащую машинку и вышел из комнаты.

Питался он теперь кое-как. Проголодавшись, выпивал стакан молока или прямо из коробки зачерпывал ложку-другую мороженого. Даже от крохи еды в животе возникала тяжесть, словно он переел, но, одеваясь по утрам, Мэйкон заметил, что, похоже, исхудал. Воротничок рубашки стал слишком свободным. Ложбинка над верхней губой так углубилась, что ее было трудно выбрить. Волосы, которые раньше ему подстригала Сара, утесом нависали над лбом. Почему-то обвисли нижние веки. Серые глаза-щелочки вдруг распахнулись, взгляд стал испуганным. Тоже признак недоедания, что ли?

Завтрак. Самая главная еда. В спальне Мэйкон установил на подоконнике кофеварку и электросковородку, подключив их к радиочасам. Конечно, если два сырых яйца всю ночь продержать в комнатной температуре, напросишься на пищевое отравление, но Мэйкон изменил свое меню и тем самым решил проблему. В подобных делах требуется гибкость. Теперь его пробуждал запах сваренного кофе и горячего попкорна в масле, которые он мог отведать, не вылезая из постели. Да, он справлялся прекрасно, просто прекрасно. Учитывая все обстоятельства.

А вот по ночам было худо.

Не то чтобы он не мог уснуть. Засыпалось легко. Мэйкон смотрел телевизор, пока не начинало печь глаза, потом взбирался по лестнице, включал душ и закидывал белье в поддон. Иногда хотелось сразу перескочить к следующей части процедуры, но это грозило разладкой системы. И потому Мэйкон шел поэтапно: развешивал постирушку, заготавливал ингредиенты завтрака, нитью чистил зубы. Он не мог лечь в постель, не почистив зубы. Сару это почему-то раздражало. «Если б тебе вынесли смертный приговор, – сказала она однажды, – и объявили, что на рассвете расстреляют, ты бы, конечно, потребовал, чтобы тебе дали почистить зубы на ночь». Мэйкон подумал и согласился. Да, безусловно потребовал бы. Он же чистил зубы, когда свалился с пневмонией? И в больнице, куда его уложила желчекаменная хворь. И той ночью в мотеле, когда убили их сына. Мэйкон гляделся в зеркало. Несмотря на уход, зубы так и не стали идеально белыми. А теперь, похоже, и лицо приобретало желтоватый оттенок.

Мэйкон выключал свет, передвигал кошку, подсаживал пса на кровать. Коротконогий вельш-корги обожал спать в постели и потому каждый вечер с надеждой смотрел на хозяина, положив передние лапы на матрас и ожидая подмоги. Затем все трое укладывались. Мэйкон

залезал в конверт, кошка клубком сворачивалась в тепле его подмышки, пес укладывался в ногах. Мэйкон закрывал глаза и засыпал.

А потом вдруг понимал, что не плывет по волнам сновидений, но занудливо конструирует сны, придирчиво отбирая детали. Сообразив, что не спит, он шурился на будильник. Тот показывал час ночи. В лучшем случае два. Предстояло пережить долгие часы до рассвета.

В голове теснились ерундовые тревоги. Он запер дверь черного хода? Не забыл убрать молоко? Кажется, вместо чека за газ он отправил выписку своего банковского счета? Мать честная, он же поставил в морозилку открытую банку сока. Металл окислится! Гарантированное отравление свинцом!

Мелкие беспокойства сменялись тяжкими раздумьями. Почему его супружество пошло наперекосяк? Сара была его первой и единственной девушкой; пожалуй, стоило сперва попрактиковаться на ком-нибудь другом. В их двадцатилетнем браке бывали минуты – вернее, долгие дни, – когда казалось, что никакого супружеского союза нет и в помине. Напротив, они остались двумя отдельными личностями и даже не всегда дружили. Порой они больше смахивали на соперников, которые, пихаясь локтями, соревнуются, кто из них лучше. Сара, кипучая и взбалмошная? Или Мэйкон, методичный и уравновешенный?

Рождение Итана еще сильнее выявило их несхожесть. Обнажились черты, которые прежде они умели не замечать друг в друге. Сара, расхлябанная и беспечная, никогда не заготавливала сына в какие-то рамки. А Мэйкон (он сам это прекрасно понимал) так стремился подготовить мальчика ко всяким случайностям, что не оставалось времени порадоваться его существованию. Вот Итану два года, а вот уже четыре – облик его виделся так четко, словно на потолке спальни показывали цветное кино. Смешливый, лучезарный малыш, а вот над ним нависла сгорбленная тень папаши, заламывающего руки. Шестилетнего малыша Мэйкон рьяно обучал бейсбольной подаче – он бы не пережил, если б сына не взяли в команду. «Ну и что? – говорила Сара. – Не возьмут так не возьмут. Ну и пусть, чего ты?» Ну и пусть! В жизни полно всякого, с чем ничего не поделаешь, от такого надо по возможности увернуться. Сара смеялась, когда целую осень Мэйкон собирал забавные стикеры с карточек «Уэки Пэкс»¹, – это было увлечение Итана, он обклеил ими дверь своей спальни. «Такой коллекции нет ни у одного третьеклассника!» – похвалялся Мэйкон. Потом интерес сына угас, а он еще долго упрямо приносил ему наклейки. Мэйкон понимал, что это нелепо, однако вот есть один стикер, который они еще не заполучили...

Почти ровно год назад Итан – ему исполнилось двенадцать – поехал в лагерь. Ровесники его уже давно туда ездили, а вот Мэйкон все оттягивал с отправкой. Зачем вообще заводить ребенка, говорил он Саре, если только того и дожидаясь, чтобы сослать его в богом забытую вирджинскую дыру? Когда наконец он сдался, Итан, светловолосый рослый стригунок с открытым дружелюбным лицом и обаятельной манерой покачиваться с пятки на носок в минуты волнения, уже дорос до старшей группы.

Не думай об этом.

На второй лагерный день Итана убили в закусочной «Бургер Бонанза». Это было убийство из разряда бессмысленных, когда налетчик уже забрал деньги и может сваливать, но вдруг ни с того ни с сего решает выстрелом в затылок уложить всех и каждого.

Итан вообще оказался там случайно. Он удрал в самоволку с приятелем, который остался караулить на улице.

Виноват лагерь, где возможно такое разгильдяйство. Виновата паршивая охрана закусочной. Виноват приятель: не останься он на улице, все, может быть, сложилось бы иначе (господи, чего он там караулил-то?). Виновата Сара, отпустившая сына из дома, виноват Мэйкон,

¹ Пародийные карточки и наклейки, высмеивающие самые обычные американские товары; выпускаются с 1967 года, популярны и сейчас. – *Здесь и далее примеч. ред.*

на это согласившийся, и даже Итан виноват (да, черт побери!). Виноват, что захотел ехать в лагерь, что без спросу удрал, что как последний дурак вперся в закусочную в момент ограбления. Виноват, что, подчинившись приказу, вместе с другими покорно прошел в кухню, положил руки на стену и стал, конечно, покачиваться с пятки на носок...

Не думай об этом.

Начальник лагеря не захотел огоршить новостью по телефону, он сам приехал в Балтимор. А потом отвез их в Вирджинию. Мэйкон часто вспоминал этого начальника. Джим его звали, Джим Робинсон то ли Робертсон, – плотный седоусый мужик с армейским «ежи́ком», поверх футболки с логотипом «Редскинз» он надел пиджак, вроде как из уважения к их горю. Молчание, похоже, его тяготило, и он изо всех сил старался заполнить тишину всякой болтовней. Мэйкон его не слушал, вернее, думал, что не слушает, но теперь все эти байки всплывали в памяти. Джимова мамаша, родом из Балтимора, появилась на свет в тот год, когда Бейб Рут играл за «Ориолс». А вот с помидорами Джима творилось что-то странное – зеленые плоды с горошину осыпались с кустов, не успев созреть. Жена его боялась ездить задним ходом и всячески избегала ситуаций, требовавших подобного маневра. Сейчас, в ночной тиши, Мэйкон над этим усиленно размышлял. Можно ли водить машину, не прибегая к заднему ходу? А если на перекрестке водитель автобуса высунется в окошко и попросит сдать чуть назад, чтобы он смог повернуть? Дамочка откажется? Мэйкон представил, как она, вся такая грозная и неприступная, смотрит перед собой и якобы ничего не замечает. Матерится водитель, сигналият клаксоны, все вокруг орут «Эй, баба!». Выразительная картинка. Запечатлелась накрепко.

В конце концов Мэйкон вылезал из своего мешка. Пес, вздыхая, тоже вставал и, соскочив с кровати, вслед за хозяином ковылял вниз по лестнице. На половицах ступням было зябко, кухонный линолеум казался вовсе ледяным. Мэйкон открывал холодильник, озарявшийся светом, наливал стакан молока, потом плелся в гостиную и включал телевизор. Обычно шел какой-нибудь черно-белый фильм – мужчины в костюмах и фетровых шляпах, дамы в жакетах с накладными плечами. Мэйкон не следил за сюжетом. Маленькими размеренными глотками он прихлебывал молоко, представляя, как кальций проникает в кости. Где-то писали, что кальций излечивает бессонницу. Мэйкон рассеянно поглаживал кошку, неведомо как очутившуюся на его коленях. Казалось, это вальяжное серое существо сотворено из материи невероятной плотности, отчего голым ляжкам было очень жарко. А пес обычно устраивался на хозяйские ступни. «Вот и остались мы втроем, мои верные друзья», – приговаривал Мэйкон. От кошки на коленях оставался влажный след, похожий на запятую.

Потом Мэйкон сгонял с себя зверье и выключал телевизор. Относил стакан в раковину с хлорным раствором. Вставал по лестнице. В окно спальни смотрел на черные ветки, корябавшие ночное пурпурное небо, на дощатую обшивку домов, белевшую в темноте, и выглядывал случайный огонек. Он всегда радовался, если удавалось отыскать непогашенное окно. Значит, еще кому-то не спится, думал Мэйкон. Иные варианты, вроде вечеринок или душевной беседы старых друзей, он не рассматривал. Хотелось верить, что еще у кого-то сна ни в одном глазу, что еще кто-то борется со своими мыслями. От этого было гораздо легче. Мэйкон забирался в постель. Укладывался. Закрывал глаза и без всяких усилий проваливался в сон.

Глава третья

Сара позвонила Мэйкону и спросила, можно ли забрать темно-синий ковер из столовой.

– Темно-синий ковер, – повторил Мэйкон (он тянул время).

– Я бы не просила, но все равно он тебе никогда не нравился. Ты говорил, неправильно стелить ковер там, где люди едят.

Да, он это говорил. Мол, сборщик крошек. Антисанитария.

Тогда почему вдруг так жалко расстаться с ковром?

– Мэйкон, алло.

– Да, я слушаю.

– Так ты не против, если я его заберу?

– Наверное, нет.

– Вот и славно. У меня в квартире голые полы, ты не представляешь, как...

Она приедет за ковром, он пригласит ее зайти. Предложит хересу. Со стаканами в руках они сядут на кушетку, и он спросит: «Ты скучала по мне?» Нет, он скажет: «Я скучал по тебе, Сара».

Она ответит...

– Если тебе удобно, я загляну в субботу утром, – сказала Сара.

Но никто не пьет херес с утра.

И потом, Мэйкона вообще не будет дома.

– Завтра днем я уезжаю в Англию, – сказал он.

– О, опять в Англию?

– Можешь приехать сегодня вечером.

– Нет, у меня машина в ремонте.

– А что случилось?

– Ну, я ехала и... Знаешь, слева на панели есть такой красненький огонек?

– Ты про датчик масла?

– Ну да, и я подумала, что если останавливаться и смотреть, что да как, то опоздаю к дантисту, а машина вроде едет нормально....

– погоди. Сигнал загорелся, так? Но ты продолжала ехать?

– Да вроде ничего не шумело, все было как обычно, и я решила...

– Господи ты боже мой!

– А что такого страшного?

– Вероятно, ты запорол двигатель.

– К твоему сведению, ничего я не запорол. Просто нужна совсем маленькая починка, но, к несчастью, это займет несколько дней. Ладно, ничего. Ключ от дома у меня есть, я сама заеду в субботу.

– Я могу привезти тебе ковер.

– Это терпит до субботы.

– Заодно посмотрел бы твою квартиру. Я же ее не видел.

– Нет, она еще не готова.

– Неважно.

– У меня кавардак. Ничего не разобрано.

– Как это – не разобрано? Ты уже больше месяца там живешь.

– Не все так потрясюще организованны, как ты, Мэйкон.

– Не нужно никакой организованности, чтобы...

– Иногда целый день я валяюсь в халате.

Мэйкон промолчал.

– Надо было соглашаться на эту работу в летней школе, – сказала Сара. – Чтобы жизнь обрела хоть какие-то очертания. Утром открываю глаза и думаю: а зачем вставать?

– Я тоже, – откликнулся Мэйкон.

– Зачем есть? Зачем дышать?

– И со мной так, милая.

– Как ты думаешь, тот человек что-нибудь понял? Я хочу поехать к нему в тюрьму. Сяду напротив него и через решетку, стекло или что там у них скажу: «Посмотри на меня. Посмотри. Посмотри, что ты натворил. Ты убил не только тех, в кого стрелял, ты убил и других. И твое злодеяние продолжается, оно бесконечно. Ты убил не только моего сына, ты убил меня, ты убил моего мужа. Я к тому, что у меня даже нет сил повесить шторы. Понимаешь, что ты сделал?» И когда я удостоверюсь, что он все понял, действительно понял и ужаснулся, я достану из сумки пистолет и выстрелю ему меж глаз.

– Перестань, дорогая...

– Думаешь, это бредни, да? Но я вправду ощущаю в руке отдачу после выстрела. Я никогда не стреляла из пистолета... господи, я его даже *не видела* никогда. Странно, да? А вот Итан видел, он такое изведаль, о чем мы с тобой понятия не имеем. Но иногда я вытягиваю руку со вскинутым большим пальцем, как делают мальчишки, играющие в ковбоев, дергаю воображаемую собачку и понимаю, что это было бы несказанное удовольствие.

– Сара, такие разговоры вредны.

– Да ну? А какие полезны?

– Я хочу сказать, если ты поддашься злобе, она тебя... сожрет. Ты сгоришь. Это непродуктивно.

– Ну конечно! Боже мой, зачем тратить время на всякую непродуктивность.

Мэйкон потер лоб.

– Сара, я просто понимаю, что нам нельзя допускать такие мысли.

– Легко тебе говорить.

– Нет, совсем не легко, черт подери...

– А ты захлопни дверь, Мэйкон. И уйди. Притворись, что ничего не было. Мало ли дел, разложи гаечные ключи по номерам – от большого к маленькому, а не наоборот, это очень забавно.

– Сара, черт тебя возьми...

– Не смей меня чертыхать, Мэйкон Лири!

Помолчали.

– Ладно, – сказал Мэйкон.

– Ну вот и хорошо, – отозвалась Сара.

– Значит, ты заглянешь, пока я в отъезде.

– Если это удобно.

– Да, вполне. – Мэйкон повесил трубку.

На душе был неприятный осадок, словно он впускал в дом чужака, который мог еще что-то забрать, кроме ковра из столовой.

Для поездки в Англию Мэйкон выбрал свой самый удобный костюм. *Одного костюма вполне достаточно*, наставлял он в путеводителе, *если с собой прихватить пятновыводитель в компактной упаковке* (ему были известны все товары, выпускавшиеся в компактной упаковке, от дезодоранта до обувного крема). *Неброский серый цвет предпочтительнее. На сером грязь незаметна, и такой костюм сгодится для непредвиденных похорон и прочих официальных мероприятий. Вместе с тем он не слишком мрачен и как повседневный наряд.*

Мэйкон уложил в сумку минимум белья и бритвенный набор. Экземпляр своего последнего путеводителя по Англии. Книгу – почитать в самолете.

Путешествуйте только с ручной кладью. Багаж – лишняя морока. Моющие средства в компактной упаковке избавят вас от лап зарубежных прачечных.

Закончив сборы, он присел на кушетку передохнуть. Даже не столько передохнуть, сколько собраться с духом – так купальщик делает несколько глубоких вдохов перед нырком в воду.

Мебель – сплошь прямые линии и закругления, ласкающие глаз. В солнечном луче пляшут пылинки. До чего же дома хорошо! Если б не отъезд, приготовил бы себе растворимый кофе. Ложку положил бы в раковину и прихлебывал из кружки, а кошка выписывала бы зигзаги у его ног. Потом, наверное, проверил бы почту. Сейчас все эти действия казались приятными и милыми сердцу. И он еще жаловался на скуку? Дома все устроено, ни о чем не задумываешься. А в поездках всякая мелочь требует усилий и принятия решения.

Через два часа рейс, пора выходить. До аэропорта всего полчаса езды, но Мэйкон ненавидел спешку. На прощанье он обошел дом, задержавшись в нижней уборной – последней, на его взгляд, *подобающей* уборной, какую он не увидит всю ближайшую неделю. Свистнул собаку. Взял сумку и вышел на улицу. Жара саданула точно обухом.

Пес ехал лишь до ветлечебницы. Знай он об этом, ни за что не запрыгнул бы в машину. Похожий на кеглю, он занял пассажирское сиденье и пыхтел, весь напружинившись от радостного ожидания. Мэйкон заговорил с ним притворно беззаботным тоном:

– Что, жарко, Эдвард? Включить тебе кондиционер? – Он щелкнул тумблером. – Ну вот. Так лучше?

Мэйкон сам расслышал этакую елейность в своем голосе. Видимо, Эдвард тоже ее уловил, потому что перестал пыхтеть и окинул хозяина подозрительным взглядом. Лучше помолчать, решил Мэйкон.

Покатили по улицам под пологом древесных крон. Потом свернули на солнцепек, к засилью магазинов и станций техобслуживания. На подъезде к Мюррей-авеню пес заскулил. А на парковке ветлечебницы как будто уменьшился в размерах.

Мэйкон вышел из машины и, обойдя ее, открыл дверцу, ухватил Эдварда за ошейник. Пес вцепился когтями в обшивку сиденья, а потом скреб ими по горячему бетону, пока его волоком доставляли в лечебницу.

В приемной никого не было. Под цветным плакатом, живописавшим жизненный цикл сердечного червя, в углу булькал аквариум. За конторкой на табурете сидела девица, худышка в топике.

– Я привез собаку на постой, – громко сказал Мэйкон, перекрывая вопли Эдварда.

Девица, мерно пережевывая жвачку, вручила ему формуляр и карандаш.

– Здесь уже бывали? – спросила она.

– Да, не раз.

– Фамилия?

– Лири.

– Лири, Лири... – Девица перебирала учетные карточки.

Мэйкон заполнял формуляр. Эдвард встал на задние лапы и уткнулся мордой в его колени, точно малыш, страшющийся детского сада.

– Вау. – Нахмурившись, девица вытянула карточку. – Эдвард? С Рэйфорд-роуд?

– Да, верно.

– Мы не можем его принять.

– Что?

– Он укусил служителя. Вот, записано: «Укусил Барри за лодыжку, не принимать».

– Никто мне не сказал.

– Должны были.

– Никто словом не обмолвился! Я оставлял его в июне, когда мы ездили на взморье, потом забрал, и все.

Девушка безмятежно лупала глазами.

– Послушайте, я завез его по дороге в аэропорт. У меня самолет.

– Я только выполняю указания, – сказала девушка.

– А почему пес психанул? – спросил Мэйкон. – Кто-нибудь выяснял? Может, у него была веская причина.

Девушка опять хлопнула ресницами. Эдвард уже стоял на четырех лапах и поглядывал заинтересованно, как будто прислушиваясь к разговору.

– Пропавши вы пропадом! – рявкнул Мэйкон. – Пошли, Эдвард.

Уговаривать не пришлось, пес пулей пролетел через стоянку.

За несколько минут машина превратилась в духовку. Мэйкон опустил стекло со своей стороны; на холостом ходу урчал мотор. И что теперь? Может, попросить сестру? Скорее всего, она тоже откажет. По правде, жалобы на Эдварда поступали не впервые. Вот, скажем, на прошлой неделе брат Чарлз заехал одолжиться пазником, так Эдвард кинулся к нему и, висясь вьюном, стал трепать его штанины. Чарлз разинул рот и лишь медленно поводил головой.

– Чего это он? – спросил изумленный брат. – Такого с ним не бывало.

Когда Мэйкон сграбастал пса за ошейник, Эдвард зарычал. Оскалился и зарычал. Интересно, у собак бывают нервные срывы?

Вообще-то Мэйкон не особо жаловал собак. Он предпочитал кошек. Ему нравилось, что они такие сами по себе. Лишь с недавних пор он стал уделять хоть какое-то внимание Эдварду. В своем нынешнем одиночестве Мэйкон начал с ним разговаривать, а иногда просто сидел и разглядывал его, любясь умными карими глазами и лисьей мордочкой в симметричных золотистых отметинах по обеим сторонам носа. А походка! Итан говорил, что Эдвард так ходит, словно набрал песка в плавки. Этот вихляющий зад, эти куцые лапы, будто наспех притороченные к туловищу.

За неимением вариантов Мэйкон поехал домой. Он прикидывал, что будет, если Эдварда, как кошку, запереть в доме, оставив побольше еды и питья. Нет, не годится. А Сара не сможет два-три раза в день проведать собаку? Идея эта, означавшая просьбу, претила. Значит, придется набрать номер, по которому никогда не звонил, и просить об услуге.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА «МЯУ-ГАВ» – гласила вывеска на другой стороне улицы. Мэйкон тормознул, Эдварда кинуло вперед.

– Извини. – Мэйкон свернул налево и заехал на парковку.

В приемной «Мяу-Гав» сильно пахло дезинфекцией. За конторкой стояла тощая молодая женщина в блузке с рюшами. Невероятной курчавости темные волосы до плеч напоминали куфию.

– Привет, – сказала женщина.

– Вы берете собак на постой? – спросил Мэйкон.

– Конечно.

– Я бы хотел оставить у вас Эдварда.

Перегнувшись через стойку, женщина посмотрела на пса. В ответ тот радостно задышал. Он явно еще не понял, куда его привезли.

– Вы по брони?

– Что? Нет.

– Обычно место бронируют.

– Ну, я не знал.

– Особенно летом.

– Может, сделаете исключение?

Женщина нахмурилась, задумчиво разглядывая Эдварда. Крохотные глазки на ее заостренном бескровном лице смахивали на тминные семечки.

– Прошу вас, – сказал Мэйкон. – Мне надо успеть на самолет. Я на неделю уезжаю, а присмотреть за собакой некому. Войдите в мое отчаянное положение.

По взгляду, который женщина метнула в него, он понял, что чем-то ее заинтересовал.

– А что, жена не может присмотреть? – спросила регистраторша.

Станный ход мыслей, подумал Мэйкон.

– Нет, иначе зачем я бы тут торчал?

– А, так вы не женаты?

– Да нет, женат, но супруга... живет в другом месте. Там не разрешают держать питомцев.

– Угу.

Женщина вышла из-за конторки. Она была в коротеньких красных шортах, ноги ее походили на палки.

– Я сама в разводе. Ваши переживания мне знакомы.

– Понимаете, там, где я обычно его оставляю, вдруг заявили, что он кусается. Мол, тяпнул служителя, и теперь ему отказано в пансионе.

– Ты кусачий, Эдвард? – спросила женщина.

Мэйкон сообразил, что сболтнул лишнее, но это, казалось, не обескуражило регистраторшу.

– Как же тебе не стыдно? – допрашивала она пса.

Эдвард ухмыльнулся и прижал уши, предлагая его погладить. Женщина потрепала его по голове.

– Так вы его возьмете? – спросил Мэйкон.

– Пожалуй. – Женщина выпрямилась и пробуравила его карими глазками. – Коль уж положение ваше отчаянное. – Она выделила последнее слово, как будто умышленно драматизируя ситуацию. – Вот, заполните. – Женщина подала бланк из стопки формуляров на конторке. – Имя, адрес, срок проживания. Не забудьте указать дату своего возвращения.

Мэйкон кивнул, отвинчивая колпачок авторучки.

– Вероятно, мы еще увидимся, когда вы будете забирать собаку. То есть если вы укажете время своего визита. Меня зовут Мюриэл.

– Клиника открыта допоздна?

– До восьми. Ежедневно, кроме воскресенья.

– Хорошо.

– Мюриэл Притчетт.

Пока Мэйкон заполнял формуляр, женщина присела на корточки перед Эдвардом и сняла с него ошейник. Пес лизнул ее в щеку – наверное, решил, что с ним хотят подружиться. Мэйкон дописал и оставил бланк на конторке. Не простившись, он поспешно вышел, придерживая звякавшие в кармане ключи.

В самолете до Нью-Йорка соседом его оказался иностранного вида усач в наушниках, подключенных к портативному магнитофону. Чудесно – опасность разговоров не грозила. Мэйкон удовлетворенно откинулся в кресле.

Летать он любил. Когда нет болтанки, движение вообще незаметно. Можно вообразить, что спокойно сидишь дома. Неизменный вид из окна – воздушный простор, интерьер не хуже любого другого.

Мэйкон игнорировал предложенные напитки, а сосед его снял наушники и заказал «Кровавую Мэри». В розовых губчатых кругляшах слышалась витиеватая арабская мелодия, тихая, жестяная. Мэйкон разглядывал миниатюрное устройство и прикидывал, не купить ли себе такое. Не для музыки, избави бог, в мире и так чересчур шумно, а ради уединения. Наденешь

наушники, и никто к тебе не полезет. Можно гонять чистую пленку, это целых тридцать минут тишины. Перевернул кассету – и еще полчаса покоя.

В аэропорту имени Кеннеди челнок подвез его к терминалу для пересадки на лондонский рейс, который вылетал вечером. Устроившись в зале ожидания, Мэйкон стал разгадывать кроссворд в воскресном номере «Нью-Йорк таймс», который специально приберег для поездки. Он огородился этакой баррикадой – в одно соседнее кресло поставил сумку, в другое положил пиджак. Вокруг топтался народ, но Мэйкон не отрывал глаз от газеты, легко продвигаясь к отгадке акrostиха. Когда он покончил с обоими заданиями, объявили посадку на его рейс.

Теперь с ним соседствовала седая женщина в очках. Она запаслась собственным вязаным покрывалом. Дурной знак, подумал Мэйкон, но ничего не поделаешь. После недолгой суеты – ослабить галстук, скинуть туфли, достать книгу из сумки – он сделал вид, что углубился в чтение.

В романе «Мисс Макинтош, моя дорогая»² было 1198 страниц. (*Всегда с собой берите книгу, защиту от чужаков. Журналов хватит ненадолго. Отечественные газеты породят тоску по дому, а зарубежные напомнят, что вы тут пришлый. Вы же знаете, как непривычно выглядит шрифт иностранных газет.*) Мэйкон уже давно мусолил «Мисс Макинтош». В романе отсутствовал сюжет, что, на взгляд Мэйкона, было преимуществом, но читал он с неизменным интересом, причем с любой страницы. Всякий раз, отрывая взгляд от книги, Мэйкон не забывал пометить ногтем абзац, на котором остановился, и сохранить задумчивость на лице.

Из динамиков лилась обычная воркотня стюардесс о ремнях безопасности, запасных выходах и кислородных масках. Удивляли странные логические ударения: «В *нашем* полете вам *будут* предложены...» Соседка спросила, не желает ли Мэйкон угоститься мятной конфеткой. «Нет, спасибо», – сказал он и вернулся к чтению. Соседка зашуршала оберткой, вскоре его окутал аромат мяты.

Мэйкон отверг коктейль и поднос с ужином, взяв только молоко. Он съел яблоко и паке-тик изюма, которые достал из сумки, выпил молоко, а потом в туалете щеткой и нитью почистил зубы. Когда он возвращался на свое место, в салоне уже выключили свет, лишь местами горели лампочки для чтения. Кое-кто уже спал. Соседка Мэйкона собрала волосы в пучок, крест-накрест заколов его шпильками. Беспардонность отдельных пассажиров просто поражала. Некоторые мужчины переоделись в пижамы, некоторые женщины намазались кремом. Похоже, приличия их не заботили.

Мэйкон подставил книгу под узкий луч светильника и перевернул страницу. Надсадно ныли двигатели. Наступило тягостное, по выражению Мэйкона, время – провал между ужином и завтраком, когда ты подвешен над океаном и ждешь появления светлой полоски на небе, означающей утро, которое, конечно, не сравнить с домашними рассветами. В иных часовых поясах, считал Мэйкон, утро смахивает на театральную декорацию – этакий задник с намалеванным восходом, прикрывающий взаправдашнюю тьму.

Мэйкон откинулся в кресле и закрыл глаза. Временами сквозь гул двигателей прорезался голос стюардессы, доносившийся из тамбура в носовой части самолета:

– Ну вот, сели мы, а заняться абсолютно нечем, из всех развлечений только газета за среду, но ты же знаешь, что по средам никогда ничего интересного не случается...

Мужской голос негромко окликнул его по имени, однако Мэйкон даже не шелохнулся. Он уже привык к ночным звуковым фокусам в самолете. Глаза его были закрыты, но вдруг невероятно четко он увидел мыльницу на раковине в своей кухне. Еще один фокус. В овальной

² Роман Маргерит Янг (1908–1995), писавшийся почти двадцать лет (1947–1964), один из самых значительных в американской литературе, своего рода «американский “Улисс”»; на русский язык не переведен.

фарфоровой мыльнице, расписанной желтыми розочками, лежали обмылок и забытые Сарой кольца, помолвочное и обручальное.

– Я взял билеты, – слышался голос Итана. – Через пять минут начнут пускать.

– Хорошо, – сказал Мэйкон. – Давай разработаем план.

– Какой еще план?

– Где мы сядем.

– А нельзя сесть без плана?

– Ты же сам просился на этот фильм, Итан. Я думал, тебе важно, где сидеть. Ладно, вот мой план. Ты считаешь малышню по левую сторону прохода. Я – по правую.

– Ох, пап...

– Хочешь сесть рядом с каким-нибудь егзой?

– Да нет.

– И потом, где тебе лучше – с краю ряда?

– Все равно.

– С краю, Итан, или по центру? Ты должен что-то предпочесть.

– Я не знаю.

– Середина ряда?

– Без разницы.

– Разница огромная, Итан. С крайних мест выйти легче. Если надумаешь сбегать в буфет или туалет, лучше сидеть с краю. С другой стороны, через тебя весь ряд будет протискиваться к своим местам. Так что, если не собираешься выходить во время сеанса, я предлагаю...

– Пап, хорош, а?

– Ладно. Если ты намерен говорить в таком тоне, мы сядем на первые попавшиеся места.

– Чудесно, – сказал Итан.

– Превосходно, – сказал Мэйкон.

Вот теперь он шелохнулся – из стороны в сторону повозил головой, но глаза не открыл, только крепче зажмурился. Постепенно голоса стихли, и он погрузился в прерывистую дрему, что в поездках сходит за сон.

Утром Мэйкон взял предложенный кофе и проглотил витамины, запасенные в дорогу. Лица вокруг были бледны и помяты. Соседка отправилась в туалет, с собою прихватив целый саквояж, и вернулась тщательно причесанная, но чуть опухшая. Мэйкон считал, что поездки провоцируют отеки. Ботинки как будто слегка жали, а во время бритья он заметил несвойственные ему мешки под глазами. Однако выглядел он лучше большинства попутчиков, поскольку не ел соленого и не пил спиртное. Алкоголь, конечно, задерживается в организме. Если выпьешь в самолете, полагал Мэйкон, еще несколько дней будешь как пьяный.

Стюардесса объявила лондонское время, и пассажиры завозились, переводя часы. Мэйкон переставил цифровой будильник, хранившийся в бритвенном наборе. Наручные часы, со стрелками и циферблатом, не тронул.

Сели внезапно. Это напоминало возвращение к суровой действительности – неожиданное касание земли, тряский пробег, рев двигателей, торможение. Ожили динамики, мурлыча вежливые напоминания. Соседка Мэйкона свернула свое покрывало.

– Я так волнуюсь, – сказала она. – Впервые увижу внука.

Мэйкон улыбнулся и пожелал ей, чтобы все прошло хорошо. Теперь, когда он не боялся угодить в ее силки, дама казалась вполне милой. Кроме того, выглядела она очень по-американски.

В Хитроу царила всегдашняя атмосфера недавнего бедствия. Одни растерянно метались по залам, другие, точно беженцы, замерли в окружении узлов и чемоданов, сотрудники аэропорта пытались справиться со шквалом вопросов. Поскольку багажа у Мэйкона не было, он

раньше других прошел через формальности. Затем обменял деньги и спустился в метро. *Я рекомендую метро всем, кроме тех, кто боится высоты, и даже им, если они не воспользуются следующими станциями с невероятно крутыми эскалаторами...*

В поезде он разложил деньги по конвертам, которые взял с собой, – на каждом четко проставлен номинал. *(Если заранее рассортировать иностранную валюту, вы не будете мучиться с незнакомыми монетами и разглядывать загадочные купюры.)* Пассажиры, сидевшие напротив, наблюдали за его манипуляциями. Люди здесь выглядели иначе, но сразу не скажешь, в чем это выражалось. Пожалуй, вид у них изящнее и одновременно болезненнее. Женщина с капризным малышом беспрестанно повторяла на таком ясном, текучем, непринужденном английском:

– Тише, милый. Тише, милый.

Было жарко, лоб ее блестел. Мэйкон и сам покрылся испариной. Он сунул конверты во внутренний карман пиджака. Поезд остановился, вошли новые пассажиры. Кто стоял, держался не за ременные петли, а за набалдашники на гибких прутах, которые в свой первый приезд Мэйкон принял за микрофоны.

Обычно он базировался в Лондоне, откуда совершал вылазки в другие города и составлял коротенький список отелей и ресторанов, расположенных в шаговой доступности: его книжки вовсе не претендовали на всеохватность. («Другие путеводители советуют, как увидеть побольше городских достопримечательностей, – говорил его начальник. – А ты должен подсказать, как их увидеть поменьше».) Гостиница его называлась «Джоунс Террас». Мэйкон предпочел бы какой-нибудь сетевой американский отель, но это было слишком дорого. Впрочем, «Джоунс Террас» был неплох – небольшой и опрятный. Мэйкон тотчас обустроился по своему вкусу: сунул в шкаф безобразное кроватное покрывало, распаковался, спрятал сумку. Потом сменил нижнее белье, простирнул ношеное и развесил его на душевой стойке. Окинул печальным взглядом кровать и пошел завтракать. По его биологическим часам стояла глубокая ночь, но поскольку командированным чаще всего приходилось решать вопрос завтрака самостоятельно, Мэйкон всегда тщательно исследовал имевшиеся возможности.

Он зашел в «Усладу янки», где заказал омлет и кофе. Обслуживали здесь отлично. Кофе подали мгновенно и внимательно следили, чтобы чашка не пустовала. Вкусом омлет уступал домашнему, но так было всегда и всюду. Что за напасть с общепитовскими яйцами? В них не было темперамента, подлинного характера. Тем не менее Мэйкон открыл свой путеводитель и напротив «Услады янки» поставил галочку. К концу недели черт ногу сломит на этих страницах. Одни названия будут вычеркнуты, другие вписаны, поля испещрены пометками. Мэйкон всегда вновь посещал все отели и рестораны, указанные в его путеводителе. Занятие муторное, но этого требовал начальник Джулиан. «Ты только представь, как это будет выглядеть, – говорил он, – если турист отправится в рекомендованное тобой кафе и обнаружит, что оно стало вегетарианским».

Оплатив счет, Мэйкон перешел в «Новую Америку», что была дальше по улице, и вновь заказал омлет и кофе.

– Без кофеина, – уточнил он, поскольку уже превратился в комок нервов.

– Такого не держим, – оповестил официант.

– Ах, не держите, – кивнул Мэйкон и, когда официант отошел, сделал пометку в путеводителе.

Третьей остановкой стало заведение «Открытый чемпионат США», где сосиски были так не сочны, словно их жарили на кровельном железе. Похоже, сию закусочную рекомендовал читатель. Ох уж эти читательские рекомендации! Однажды, то ли в Детройте, то ли в Питтсбурге, в общем, в каком-то городе, Мэйкон, составляя «Случайного туриста в Америке», сдуру зарезервировал номер в мотеле, расхваленном этаким советчиком. Едва взглянув на тамошние простыни, он тотчас выписался и сбежал в «Хилтон» на другой стороне улицы, где швейцар

выскочил ему навстречу и, сердобольно охая, словно узрел путника, пересекшего пустыню, подхватил его сумку. Это был первый и последний раз, поклялся себе Мэйкон. Он оставил сосиски нетронутыми и спросил счет.

Днем (вроде как) он прошел по отелям. Поговорил с управляющими и осмотрел номера, где проинспектировал кровати, опробовал сливные бачки, взгляделся в душевые лейки. Почти все отели более или менее соответствовали требованиям, но вот что-то случилось с «Наследным принцем». Он выглядел каким-то... иностранным, что ли. В холле негромко переговаривались смуглые красавцы в ладных шелковых костюмах, а шоколадные ребятишки играли в догонялки, лавируя меж плевательниц. Казалось, Мэйкон безнадежно заплутал и очутился в Каире. В карусельных дверях вертелись конусообразные женщины в длинных черных накидках, нагруженные магазинными пакетами, полными... чем? Мэйкон постарался представить, как они покупают потертые джинсовые шорты и сапоги-чулки в розовую сеточку, выставленные в витринах большинства магазинов.

– Э-э... – промямлил он, обратившись к управляющему. Как сказать-то? Не хотелось выглядеть человеком с предрассудками, но его читатели всеми силами избегали экзотики. – А что, у отеля сменился владелец?

Управляющий, похоже, сильно обиделся. Он подтянулся и сообщил, что «Наследным принцем» всегда владела, владеет и будет владеть одна неизменная корпорация.

– Понятно, – сказал Мэйкон и ушел, сбитый с толку.

Отужинать ему надлежало в каком-нибудь заведении без выкрутасов. Для убожения клиентов предстояло в каждом городе отметить хотя бы один консервативный ресторан. Однако нынче этим заниматься не хотелось. Мэйкон отправился в свое любимое кафе «Моя американская кухня». Там посетители и часть персонала говорили с американским акцентом, а на входе хозяйка вручала гостям пронумерованные билеты. Счастливчик, чей номер оглашали по громкоговорителю, мог выиграть телевизор или, в крайнем случае, обрамленную открытку с видом ресторана.

Мэйкон заказал приятный ужин из вареных овощей, двух бараньих котлет в белых бумажных манжетках и стакана молока. Человек за соседним столиком, тоже сам по себе, угощался добрым мясным пирогом. Когда официантка предложила ему десерт, он, словно избалованный женскими уговорами нарастить мяска на костях, капризно процедил: «Ладно, может, еще надумаю». Мэйкон взял имбирный пряник. Его подали со взбитыми сливками, как бывало в бабушкином доме.

В восемь вечера по наручным часам Мэйкон был в постели. Рановато, конечно, но что поделаешь, если у англичан уже полночь. Завтра начнутся скоротечные визиты в другие города. Отобрать показательные отели, снять пробы с показательных завтраков. Кофе с кофеином и без кофеина. Мясо с кровью и хорошо зажаренное. Апельсиновый сок, свежий, консервированный и замороженный. Снова душевые лейки, снова матрасы. Фены в наличии? Адаптеры для электробритв? Мэйкон уснул, и ему снилась карусель из безликих гостиничных номеров. По бесконечному кругу ездили багажные подставки с парусиновым плетением, потолочные разбрызгиватели, заламинированные правила пожарной безопасности. На гипсовом верблюде ехал Итан, он кричал «Лови меня!» и валился набок, но уезжал дальше по кругу, прежде чем Мэйкон успевал его подхватить.

Мэйкон обладал одним скверным свойством: еще на полпути ему жутко хотелось домой. В середине даже очень короткой поездки он вдруг решал, что пора возвращаться, ибо потрачено чересчур много времени, а все самое необходимое уже сделано. Ну, почти все и почти сделано.

Остаток командировки уходил на телефонные звонки в транспортные агентства, бесплодные поездки в авиакассы и напрасные ожидания чьей-нибудь неявки на рейс, после чего при-

ходило возвращаться в гостиницу, откуда только что выписался. Всякий раз Мэйкон давал себе слово, что этого больше не повторится, но почему-то оно всегда повторялось. В Англии это произошло на четвертый день. И чего я здесь торчу? – начал маяться Мэйкон. Все главное уже сделано.

По правде, дело было в субботу. Заноса очередную трату в список расходов, он отметил, что нынче суббота. Дома наступает утро. Сегодня Сара приедет за ковром.

Она откроет входную дверь и учует домашний запах. Пройдет по комнатам, где провела столько счастливых лет. (Разве не была она счастлива?) Увидит кошку, вальяжно разлегшуюся на кушетке, подсядет к ней и подумает: *как я могла уйти?*

К несчастью, летом, как всегда, был переизбыток пассажиров. Мэйкон потратил два дня, выискивая хоть крохотный шанс уехать, испарявшийся при его приближении. «Куда угодно! Отправьте меня куда угодно! Не обязательно в Нью-Йорк, я полечу в Вашингтон. В Монреаль! В Чикаго! Черт, я полечу в Париж или Берлин, может, оттуда есть рейсы. А паромом? Сколько сейчас добираться паромом? А если б это был чрезвычайный случай? Скажем, у меня мать на смертном одре или еще что-нибудь? То есть нет никакой возможности отсюда уехать?»

Люди, с которыми он общался, были неизменно вежливы, жизнерадостны и благодушны (в иных обстоятельствах он бы, наверное, и впрямь полюбил англичан), но не могли решить его проблему. В результате пришлось остаться. Последние дни Мэйкон сидел в номере, таранился в телевизор и грыз ногти; перебивался консервами и противно теплыми напитками, ибо видеть не мог рестораны.

Разумеется, в день отъезда он был первым в очереди на регистрацию и выбрал место у окна в ряду для некурящих. В соседях оказалась совсем юная парочка, настолько поглощенная друг другом, что «Мисс Макинтош» не понадобилась, и потому весь долгий тягостный день Мэйкон смотрел на облака.

Время от полудня до вечера он не жаловал вообще, а уж нынче оно выдалось хуже некуда: нескончаемые часы, перемежаемые предложениями выпить, пообедать и снова выпить, которые он отвергал. В это время крутили фильмы, приходилось надевать наглазники. Салон был залит оранжевым светом, густым и неприятным.

Однажды Мэйкон возвращался из особо тяжелой поездки в Японию, где по вывескам не отыщешь обратную дорогу в гостиницу, и Сара встречала его в Нью-Йорке. Она хотела сделать сюрприз на их пятнадцатилетнюю годовщину. У Бекки из трансгентства вызнала номер токийского рейса, забросила Итана к матери и примчалась в аэропорт Кеннеди. В пикниковой корзинке Сара привезла сыр и вино, коими они угощались прямо в зале ожидания, коротая время до рейса в Балтимор. Память запечатлела каждую деталь того пиршества: ломтики сыра на мраморной доске, вино в хрустальных фужерах, сумевших пережить дорогу. До сих пор помнился шелковистый вкус бри. А перед глазами была Сарина рука, красивая и маленькая, решительно нарезавшая хлеб.

Однако нынче Сара не встретит его в Нью-Йорке.

И даже в Балтиморе не встретит.

На парковке Мэйкон забрал машину и сквозь набрякшие сумерки, сулившие нечто драматическое – грозу либо зарницы, – поехал в город. Может, Сара ждет его дома? Она в полосатом халате, который он так любит? А в патио на столике накрыт холодный ужин?

Дабы не принимать желаемое за действительное, Мэйкон тормознул у магазина «7-11» и купил молока. Потом поехал за Эдвардом. Он как-то сумел заблудиться и к клинике «Мяу-Гав» подъехал перед самым закрытием. За конторкой никого не было. Мэйкон стукнул по звонку. Девушка с конским хвостом высунулась из двери, выпустив сумятицу воев, писков и рыков в разных тональностях, напомнившую настраивающийся оркестр.

– Да? – сказала девушка.

– Я за своей собакой.

Девушка подошла к конторке и открыла папку:

– Фамилия?

– Лири.

– Ага. Одну минуту.

«Что теперь отчебучил Эдвард?» – подумал Мэйкон.

Девушка скрылась, а через секунду появилась та, курчая. Нынче она была в чересчур коротком платье – крупные розовые цветы на черном фоне, глубокий вырез, накладные плечи – и босоножках на нелепо высоких каблуках.

– Привет! – радостно сказала женщина. – Как съездили?

– Ничего... Где Эдвард? С ним все в порядке?

– Да, все хорошо. Он был просто душка.

– Ну вот и чудесно.

– Мы с ним с ходу поладили. Не знаю почему, но я, похоже, ему глянулась.

– Прекрасно. – Мэйкон прокашлялся. – Можно его забрать?

– Сейчас Каролина его приведет.

– Ага.

Помолчали. Женщина облокотилась на конторку, переплела пальцы и, игриво улыбаясь, разглядывала Мэйкона. Он отметил ее ногти в багровом лаке и темную губную помаду, придававшую рту странную угловатость, свойственную некоторым сортам яблок.

– Кх-м. Может, я пока расплачусь? – сказал Мэйкон.

– Да, конечно. – Женщина перестала улыбаться и раскрыла папку. – С вас сорок два доллара.

Мэйкон протянул кредитку. Женщина неловко ковырялась с терминалом, поскольку, оберегая ногти, действовала подушечками пальцев. Потом каракулями заполнила квитанцию и подтолкнула ее Мэйкону:

– Подпись и телефон. – Перегнувшись через стойку, она следила за его ручкой. – Это домашний телефон или рабочий?

– Всё вместе. А что? Какая разница?

– Просто спросила. – Столь же неуклюже она оторвала второй экземпляр квитанции, который отдала Мэйкону, а первый кинула в ящик конторки. – Не помню, говорила я, что занимаюсь, между прочим, дрессировкой собак?

– Надо же. – Мэйкон посмотрел на дверь, за которой скрылась девушка. Он всегда нервничал, если Эдварда долго не выводили. Что они там делают – уничтожают улики?

– Я специализируюсь на кусачих собаках.

– Специализируются по.

– Что?

– Словарь рекомендует использовать предлог «по».

Женщина смотрела непонимающе.

– Опасная, наверное, работа, – проявил вежливость Мэйкон.

– Ерунда! Я не боюсь ничего на свете.

За дверью послышался цокот когтей по полу. В приемную влетел Эдвард, за ним поспешала девушка с конским хвостом. Радостно повизгивая, пес так вертелся, что Мэйкон даже не смог его погладить, все время промахивался.

– Ну хватит уже! – увещевала девушка Эдварда, пытаясь надеть на него ошейник. Меж тем женщина за стойкой не умолкала:

– Кусачие, брехливые собаки, глухие, трусливые, обозленные, собаки со скверными привычками и те, кто после питомника не доверяет человеку... Я управлюсь с любой.

– Замечательно, – сказал Мэйкон.

– Ваш-то и не думал кусаться. Кажется, я говорила, он в меня просто втюрился.

– Приятно слышать.

– Но я запросто могу отучить его кусаться вообще. Вы подумайте и звякните мне. Мюриэл, помните? Мюриэл Притчетт. Я дам вам свою карточку.

Женщина протянула нежно-розовую визитку, неведомо откуда появившуюся в ее руке. Спотыкаясь об Эдварда, Мэйкон шагнул к конторке и взял карточку.

– Я обучалась у дрессировщика, который натаскивал сторожевых псов. Не чета вашему тихоне.

– Буду иметь в виду, – сказал Мэйкон. – Большое спасибо.

– Можете звонить без всякого повода. Просто поболтать.

– Поболтать?

– Ну да. Об Эдварде, его закидонах и... всякой всячине. Неужели вам никогда не хотелось просто снять трубку и почесать языком?

– Вообще-то нет, – сказал Мэйкон.

Тут Эдвард испустил особенно пронзительный вопль, и они поспешили домой.

Конечно, ее там не было. Мэйкон это понял, едва вошел в дом и учуял жаркую стоялую духоту комнат с закрытыми окнами. Он наперед знал, что так и будет. Но обманывал себя. Сочинял сказки.

Мимо прошмыгнула кошка, негодующе мяукая. Пес кинулся в столовую, намереваясь покататься по ковру, изгнать приютский дух. Но ковра не было, только голый пол в ворсяных катышах; Эдвард замер, вид у него был глупый. Мэйкон понимал его чувства.

Он поставил молоко в холодильник и пошел наверх распаковываться. Принял душ, потоптался на грязном белье, приготовил постель. Выключил свет в ванной; развешенное белье, ронявшее капли в поддон, напомнило о поездке. В общем-то, никакой разницы. *Случайный турист в своем доме*, подумал Мэйкон, устало забираясь в спальный конверт.

Глава четвертая

Когда заголосил телефон, Мэйкону привиделось, что звонит Итан. Он в лагере и хочет узнать, почему его не забирают домой. «Мы думали, ты умер», – сказал Мэйкон, а голос Итана, такой звонкий и ломкий на верхах, ответил: «Ни фиги себе, с чего это?» Телефон опять зазвонил, и Мэйкон проснулся. В грудь ударил всплеск разочарования. Видно, не зря говорят «сердце упало».

Мэйкон нехотя взял трубку:

– Да.

– С возвращением, Мэйкон!

Даже спозаранку начальник Джулиан Эдж был, как всегда, бодр и громогласен. Мэйкон вздохнул.

– Как прошла поездка?

– Нормально.

– Приехал вчера вечером?

– Да.

– Отыскал какие-нибудь суперские местечки?

– Суперские – слишком сильно сказано.

– Значит, теперь возьмешься за перо.

Мэйкон промолчал.

– Когда предполагаешь сдать рукопись?

– Не знаю, – сказал Мэйкон.

– Ну, по прикидкам, скоро?

– Я не знаю.

Повисла пауза.

– Я тебя разбудил, что ли? – сказал Джулиан.

– Да.

– Мэйкон Лири в постели. – Джулиан произнес это как некий заголовок. Моложе Мэйкона, он был беззаботен, весел и легкомыслен. И ему, похоже, нравилось выставять подчиненного таким недотепой. – Ладно, к концу месяца сделаешь?

– Нет.

– Почему?

– Материал не систематизирован.

– Чего там систематизировать? Подправил старый вариант – и все дела.

– Работы гораздо больше, – сказал Мэйкон.

– Слушай, старина. Сегодня у нас... – голос стал глуше – видимо, Джулиан отвернулся от трубки и взглянул на календарь своих выпендренных золотых часов с перфорированным кожаным ремешком, – третье августа. Я хочу, чтобы в октябре книга была на прилавках. Стало быть, рукопись нужна к тридцать первому августа.

– Я не смогу, – сказал Мэйкон.

Удивительно, что ему вообще хватало сил продолжать этот разговор.

– До тридцать первого целых четыре недели.

– Мало.

– Мало, – повторил Джулиан. – Ладно. Значит, так – середина сентября. До черта всего пойдет кувырком, но я дам тебе срок до середины сентября. Годится?

– Не знаю, – сказал Мэйкон.

Собственный тусклый голос его удивил. Он как будто наблюдал за собой со стороны. Видимо, Джулиан что-то почувствовал.

– Старина, с тобой все нормально? – помолчав, спросил он.
– Все прекрасно.
– Я понимаю, дружище, тебе здорово досталось...
– У меня все хорошо! Просто замечательно! Что не так? Мне нужно время, чтобы систематизировать материал, только и всего. К пятнадцатому сентября я представлю рукопись. Возможно, раньше. Вполне возможно. Может быть, в конце августа. Все?

Мэйкон повесил трубку.

Но в кабинете, тесном и сумрачном, шибало злым чернильным духом умственного тупика. Работа казалась неподъемной, как будто хаос все-таки восторжествовал. Мэйкон развернулся и вышел вон.

Пусть не заладилась систематизация путеводителя, но вот систематизация дома – совсем иной коленкор. Эта работа приносила некое утешение, и даже больше того – создавала впечатление, что удалось отогнать опасность. С неделю Мэйкон слонялся по дому, внедряя новые системы. Он радикально перевесил кухонные шкафы и вышвырнул покрытые жирной пылью бутылки с неведомым осадком, к которым Сара не прикасалась годами. К пылесосу присобачил стофутовый удлинитель от газонокосилки. Прополкой, стрижкой и безжалостной обрезкой преобразил двор. Прежде за садом следила Сара, и кое-что в этой работе стало откровением. Одни сорняки, едва их коснешься, взрывались семенами, впечатляя отчаянным сопротивлением, а другие безропотно расставались с вершками, тем самым сохраняя корешки. Поразительное упорство! Неистребимая живучесть! Почему у людей все иначе?

В подвале Мэйкон натянул бельевую веревку, и сушильный агрегат, жуткий транжира электричества, стал не нужен. Мэйкон отсоединил гибкий откачной рукав, через незастекленный оконный проем выходивший на улицу, и приучил кошку пользоваться этим путем. Отпала нужда в кошачьем туалете. Теперь кошка бесшумно спрыгивала в бельевой поддон и, пристав на задние лапы, выскакивала во двор.

Жаль, придумка не годилась для Эдварда. Мэйкон терпеть не мог выгуливать пса: не приученный к команде «рядом», тот шнырял под ногами, опутывая поводком. Да уж, с собаками очень хлопотно. И потом, они страшные обжоры. Корм для Эдварда надо было привезти из супермаркета, выгрузить из багажника и по высокому крыльцу занести в чулан. Впрочем, Мэйкон решил эту проблему. Под старый угольный желоб, уходивший в подвал, он подставил пластиковое мусорное ведро, в котором прорезал квадратное окошко. Потом опорожнил пакет с остатками собачьего корма в ведро, и оно, как по волшебству, превратилось в неиссякаемую кормушку, наподобие кошачьей. Теперь все стало проще: можно было подъехать к торцу дома и по угольному желобу ссыпать собачий корм в подземелье.

Закавыка была в том, что Эдвард, как выяснилось, боялся подвала. Каждое утро он топал в чулан, где прежде находил свой завтрак, и, усевшись на толстый зад, скулил. Оступаясь на лестнице, Мэйкон на руках относил извивавшегося пса в подвал. Похоже, затея не удалась, поскольку смысл ее был в том, чтоб пощадить свою каверзную поясницу. Но пока Мэйкон не сдавался.

Все ради той же поясницы выстиранное белье укладывалось в мешок и по еще одному желобу спускалось в подвал, где его ждала корзина, привязанная к старому скейтборду Итана. То есть отпала необходимость таскать тяжести по лестнице и собственно подвалу. Бывало, правда, и так, что Мэйкон усердно катил модернизированную корзину от бельевой веревки к желобу, перекладывал высушенное белье из корзины в мешок, затем спешил наверх и вытягивал бечеву, но его грыз червь сомнения: может, он дурью мается?

Однако, если вдуматься, все на этом свете – дурь.

Соседи, видимо, прознали о Сарином уходе. Они стали названивать в будние вечера и приглашать на ужин «в складчину». Мэйкон думал, речь о такой вечеринке, когда каждый

приносит что бог послал и случайный ассортимент блюд превращается в полноценный ужин. К Бобу и Сью Карни он пришел с миской макарон с сыром. Поскольку Сью приготовила спагетти, взнос Мэйкона не выглядел удачным. К его макаронам, отставленным на край стола, никто не притронулся, кроме трехлетней Далилы, которая лишь раз-другой их ковырнула.

Мэйкон не ожидал увидеть за столом детей. Он понял, что теперь его воспринимают иначе – этаким дядюшкой-холостяком, которого изредка надо обогреть семейным теплом. По правде, он не любил чужих детей. И любого рода сборища его угнетали. От физического контакта с посторонними – объятие за плечи, хватание за рукав – он сворачивался, точно улитка.

– Знайте, Мэйкон, вы можете приходить к нам когда захотите. – Сью Карни подалась вперед и похлопала его по руке: – Не дожидаясь приглашений.

– Вы очень любезны, Сью, – ответил Мэйкон. «Почему чужая плоть кажется такой ненастоящей, словно восковой? – подумал он. – Как будто нас разделяет еще какой-то невидимый слой». Улучив момент, он убрал руку.

– Если бы ты мог жить по своему вкусу, – однажды сказала Сара, – ты бы, наверное, выбрал необитаемый остров.

– Почему? Вовсе нет, – возразил Мэйкон. – Я бы взял с собой тебя, Итана, сестру и братьев...

– Но только не других людей. В смысле обычных, незнакомых.

– Наверное, нет. А ты взяла бы?

Конечно, она взяла бы. В то время. До смерти Итана. Сара всегда была общительной. На досуге она охотно шлялась по магазинам с их адской толчеей. Сара любила многолюдье. Ей нравилось знакомиться с новыми людьми. Она обожала любые вечеринки, даже фуршеты. Лишь чокнутый, считал Мэйкон, любит фуршеты, эти бестолковые сборища, на которые его водили силком, и он сгорал от стыда, если вдруг втягивался в пустопорожнюю болтовню. «Вращайся, вращайся», – шептала Сара, со стаканом в руке проскальзывая за его спиной.

В последний год все изменилось. Сара разлюбила многолюдье. Она близко не подходила к магазинам, не таскала Мэйкона по вечеринкам. После смерти Итана они ходили только на спокойные семейные обеды, но сами никого не приглашали.

– Может, позовем Смитов и Миллардов? – как-то раз предложил Мэйкон. – Они-то нас часто принимают.

– Конечно, конечно. В ближайшее время, – сказала Сара, но сама и пальцем не шевельнула.

На вечеринке они и познакомились. Обоим было по семнадцать. Две школы устроили совместное развлечение. Уже тогда Мэйкон терпеть не мог всякие сборища, однако втайне мечтал о любви и потому рискнул явиться на это мероприятие, но потом забился в угол, где, изображая, как ему думалось, беспечность, потягивал имбирное пиво. Шел 1958 год. Весь мир носил рубашки с воротничком на пуговицах, но Мэйкон, переживавший свой поэтический этап, был в черном свитере под горло, черных брюках и сандалиях. А Сара, бойкая круглолицая девушка с копной каштановых волос, огромными синими глазами и пухлой нижней губой, была, помнится, в чем-то розовом и оттого как будто вся сияла. Ее окружало кольцо поклонников. Невысокая и ладная, она как-то по-особому скрестила изящные загорелые ноги, словно всем своим видом говоря, что этому очумелому стаду из баскетбольных и футбольных звезд ее не охмурить. Мэйкон мгновенно понял, что здесь ему ничего не светит. Вернее, он даже не прикидывал свои шансы, а, минуя взглядом красавицу, высматривал иной, достижимый для себя вариант. И потому Саре пришлось самой сделать первый шаг. Она подошла к нему и спросила, чего он так выпендривается.

– Я? – опешил Мэйкон. – Я вовсе не выпендриваюсь.

– Полное впечатление, что выпендриваешься.

– Да просто здесь... скучота.

– А потанцевать не хочешь?

Они танцевали. Мэйкон, ничего подобного не ожидавший, был как в тумане. И лишь дома, немного успокоившись, смаковал и обдумывал недавнее событие. Он понял, что если бы не выглядел воображалой, Сара его не заметила бы. Он один не увивался за ней в открытую. Значит, и впредь не стоит ее домогаться, проявлять излишнюю настойчивость и выказывать свои чувства. Похоже, в общении с ней надо сохранять достоинство.

Видит бог, это было непросто. Мэйкон жил с дедом и бабушкой, твердо убежденными в том, что водительские права нельзя выдавать раньше восемнадцати лет. (И неважно, что штат Мэриленд считал иначе.) Поэтому дед Лири возил Мэйкона и Сару на их свидания. В длинном черном «бьюике» Мэйкон одиноко восседал на обитом серым бархатом заднем сиденье, ибо внуку не по чину, заявил дед, сидеть с ним рядом.

– Я тебе не наемный шофер, – говорил он. – И потом, в твоём местоположении есть скрытый смысл. (В юности Мэйкона почти всем заправляли скрытые смыслы.)

И вот он одиноко сидел на задке, а Сара располагалась рядом с дедом. Облако ее волос, подсвеченное фарами встречных машин, напоминало неопалимую купину. Подавшись вперед, Мэйкон прокашливался и задавал вопрос:

– Ты уже закончила курсовую?

– Что? – переспрашивала Сара.

– Курсовая, – говорил дед. – Парень интересуется, закончила ты ее или нет.

– А, да, закончила.

– Она ее закончила, – транслировал старый Лири.

– Я не глухой, дед.

– Хочешь вылететь из машины и дуть пешедралом? Я не потерплю такую наглость. Ведь я мог бы сидеть дома в тепле, а не раскатывать тут в потемках.

– Извини, дедушка.

Только молчание давало надежду. Неподвижный и отрешенный, Мэйкон затаивался на заднем сиденье. Если Сара обернется, она увидит лишь блик на его светлых волосах и бледное пятно лица, все остальное – тьма, с которой сливается его черный свитер. Ход сработал.

– О чем ты все время *думаешь*? – шепнула Сара ему на ухо, когда они танцевали в актовом зале ее школы. Мэйкон лишь криво усмехнулся, словно вопрос его позабавил, и ничего не ответил.

Мало что изменилось, когда он получил права; мало что изменилось, когда он поступил в колледж. Правда, он наконец-то расстался с черными свитерами и приобрел облик небрежно элегантного студента Принстона в белой рубашке и брюках цвета хаки. Без Сары было ужасно пусто, но в письмах к ней он говорил лишь об учебе. Сара, учившаяся в балтиморском Гаучер-колледже, отвечала: «Ты по мне совсем не скучаешь? Я избегаю мест, где мы с тобой бывали, боюсь, что встречу твой загадочный взгляд издали». Свои письма она заканчивала: «С любовью, Сара», он подписывался: «С приязнью, Мэйкон». По ночам он представлял, как она лежит рядом и пряди ее шуршат о подушку, хотя в реальности они лишь до одури целовались. По правде, он сомневался, что отважится на большее, если – как тогда выражались? – не размундируется. Иногда он даже слегка злился на Сару. Казалось, ему навязали фальшивую роль. Чтобы Сара его любила, приходилось изображать бесстрастность. Ох, от мужчин ждут чересчур многого!

Сара писала, что ни с кем не встречается. Мэйкон тоже не ходил на свидания, но, разумеется, об этом помалкивал. Летом он приехал домой и работал на дедовой фабрике; в местном бассейне Сара работала над своим загаром. Пролетела уже половина лета, когда она спросила, почему он никогда не предлагал ей переспать с ним. Мэйкон подумал и спокойно ответил, что как раз хотел ей это предложить. Они пошли к ней домой, поскольку родители ее проводили

отпуск в Рехобот-Бич. Поднялись в ее спальню – сплошь белые оборки, запах свежей краски, разогретой жарким солнцем.

– Ты захватил этот, как его? – спросила Сара, и Мэйкон, не желая признаться, что в глаза не видел этой штуковины, рывкнул:

– Нет, я не захватил этот-как-его! За кого ты меня принимаешь?

Вопрос, если вдуматься, глупый, но Сара восприняла его как знак, что он шокирован ее невиданной распушенностью.

– Извини, что я живая! – крикнула она и, скатившись по лестнице, выскочила из дома.

Ушло полчаса, чтобы ее отыскать, и гораздо больше времени, чтобы унять ее слезы. Да нет, успокаивал Мэйкон, он просто заботится о ней, ибо по опыту знает, что эти-как-их не гарантируют безопасность. Он пытался выглядеть искушенным и неуязвимым для страсти. Потом предложил ей показаться его знакомому врачу, который пользовал бабку от женских хворей. Сара отерла слезы, спросила у него ручку и на изнанке обертки от жвачки записала фамилию врача. А вдруг он ее не примет? Вы, скажет, даже не помолвлены. Делов-то, пожал плечами Мэйкон, возьмем и обручимся. Это было бы чудесно, сказала Сара.

Помолвка длилась три года, до окончания учебы.

Дед Лири призывал повременить со свадьбой, пока внук не утвердится хорошенько на рабочем месте; под местом этим подразумевалась фабрика «Лири Металс», выпускавшая бутылочные пробки для безалкогольных напитков, что в Мэйконе не пробуждало даже секундного интереса. Кроме того, суетливые встречи в Сариной спальне в те дни, когда мать ее отлучалась на мероприятия Красного Креста, уже плохо сказывались на женихе и невесте.

Весной, закончив колледжи, они поженились. Мэйкон стал работать на фабрике, Сара преподавала английский в частной школе. Через семь лет родился Итан. К тому времени Сара уже не величала Мэйкона «загадочным». Теперь его молчаливость ее вроде как раздражала. Мэйкон это чувствовал, но ничего не мог с собой поделать. Как-то вышло, что он застрял в той личине отчужденности, какую надел на их первой встрече. Застыл в ней. Вспоминалось старое бабкино остережение: не коси глазами, останешься косым. Мэйкон очень хотел измениться, но все равно Сара воспринимала его как человека хладнокровного, который гораздо уравновешеннее ее, но не столь чуток.

Однажды Мэйкон наткнулся на заполненную Сарой анкету в женском журнале – чепуху из серии «Насколько вы счастливы в браке?»; в графе «Мне кажется, я люблю свою половину больше, чем он/она любит меня» Сара проставила «Да». И вот что встревожило: сперва-то он машинально фыркнул – мол, ничего подобного, а потом задумался – может, так оно и есть? Мысль эта задела за живое. До сих пор он был весьма холоден душой и никогда ни по кому не страдал всерьез, если не считать сына (но это не показатель, ибо переживать за ребенка вполне естественно).

Вспоминая об этом теперь, Мэйкон радостно отмечал: ну вот же, он тоскует по Саре. Но потом эта радость казалась проявлением все той же бесчувственности, и тогда он стонал, тряс головой и рвал на себе волосы.

– Мэйкон? – спросил женский голос в трубке.

Он тотчас понял, что звонит не Сара. У нее голос светлый, воздушный, а этот грубый, резкий, скрипучий.

– Это Мюриэл, – сказала женщина.

– Кто? – переспросил Мэйкон.

– Мюриэл Притчетт.

– А, ну да, – сказал он, хотя понятия не имел, кто это.

– Ну из лечебницы, – напомнила женщина. – Я та самая, кто поладил с вашей собакой.

– Ах, из лечебницы.

Помнилась она смутно. Перед глазами возникли губы в темно-красной помаде, трубочкой на букве «ю» и сомкнутые на «п».

– Я просто хотела узнать, как там Эдвард.

Мэйкон глянул на пса. В кабинете они были вдвоем, Мэйкону удалось напечатать полстраницы. Эдвард лежал на брюхе, вытянув куцые задние лапы; он смахивал на выпотрошенную утку.

– По-моему, с ним все хорошо, – сказал Мэйкон.

– То есть больше не кусается?

– Да вроде нет, но появилось кое-что новое. Он недоволен, когда я ухожу из дома. Лаает и скалится.

– Я думаю, все же надо его подрессировать.

– Видите ли, ему четыре с половиной, и, мне кажется...

– Не такой уж он старый! Я вмиг все исправлю. Знаете что, а давайте я к вам подъеду и мы обо всем поговорим. Выпьем по рюмашке и обсудим собачьи проблемы.

– Пожалуй, не стоит...

– Или вы ко мне приезжайте. Угощу вас ужином.

Интересно, как это поможет Эдварду, если его потащить на ужин в чужом доме? – подумал Мэйкон.

– Ну, что скажете? – спросила женщина.

– Э-э... наверное, я попробую справиться своими силами.

– Что ж, я вас понимаю. Уж поверьте. Сама через это прошла. Ладно, буду ждать вашего сигнала. Визитку мою не потеряли, нет?

Цела, заверил Мэйкон, хотя даже не помнил, куда ее сунул.

– Не сочтите меня настырной, – сказала Мюриэл.

– Нет, что вы... – Мэйкон повесил трубку и вернулся к работе.

Близился конец августа, а он все еще возился с предисловием. И с чем он встретит срок сдачи? Спинка кресла давила на поясницу в ее самой больной точке. Клавиша «с» беспрестанно западала. Машинка отстукивала звучащие слова. «Неподражаемо», – произносила она, идеально точно копируя Сарину интонацию, когда та выговаривала мужу: «Ты в своей неподражаемой манере...» *Вообще-то английская еда не такая противная, как в других странах. Хорошо приготовленные овощи, блюда под белым соусом, пудинг на десерт... Я не понимаю, почему некоторые путешественники жалуется на английскую еду.*

В сентябре Мэйкон решил поменять свою одежную систему. Если дома ходить в спортивном костюме – таком, без молний, чтобы ничто не царапало и не стесняло, – от душа до душа можно не переодеваться. Спортивный костюм послужит пижамой и домашней одеждой.

Мэйкон купил два комплекта неброского серого цвета. В первую ночь он наслаждался мягкостью ткани, а утром радовался, что не надо переодеваться. Ему даже пришла мысль, что в таком одеянии можно щеголять два дня кряду, пропуская вечерний душ. Это ж какая экономия электричества! Утром нужно будет только побриться. А не отпустить ли бороду? – подумал Мэйкон.

Однако к середине следующего дня настроение его слегка упало. Печатаая на машинке, он вдруг понял, что весь сторбился, сидит квашней. Это из-за спортивного костюма, решил Мэйкон. Он встал и подошел к большому зеркалу в прихожей. Отражение напоминало пациента психбольницы. Наверное, отчасти виной тому были ботинки – обычные черные ботинки на шнурках, предполагавшие иной наряд. Купить кроссовки, что ли? Не дай бог, примут за любителя бега трусцой. Мэйкон отметил, что без ремня живот слегка выпирает. Он подтянулся. Вечером, когда пришла пора простирнуть первый спортивный костюм, он сделал воду погорячее, дабы одеяние село, убавив в мешковатости.

Утром самочувствие было паршивым. Ночь выдалась душная, Мэйкон проснулся липким и разбитым. Мутило от мысли о попкорне на завтрак. Мэйкон занялся стиркой постельного конверта и потом, развешивая его, вдруг застыл, уронив голову и свесив руки через бельевую веревку, словно его самого пришили на просушку.

– Встряхнись! – сказал он громко. В отсутствие разговорной практики голос сипел.

Был вторник – день закупки провизии, когда супермаркет не так забит народом. Но почему-то не было сил пойти в магазин. Пугала вся эта возня с тремя записными книжками в закладках, с которыми он делал покупки. В одну вносились данные из «Потребительского вестника» – скажем, под буквой «х» значились лучшие сорта хлеба. В другую книжку записывались цены, в третью складывались купоны. То и дело приходилось останавливаться, листать записи и, шепча цены, сравнивать торговые марки, предлагавшие скидки. Поход в магазин казался невообразимой тяготой. Стоит ли утруждаться? И вообще, зачем есть?

С другой стороны, хотелось молока. У Эдварда заканчивался корм, кошка Хелен вообще все подъела.

И тогда Мэйкон сделал нечто неслыханное. Он позвонил в «Продуктовую корзину», небольшой дорогой магазин, доставлявший покупки на дом. И заказал не просто самое необходимое – нет, он продиктовал весь недельный список.

– Доставить к парадному или черному ходу? – нарядным голосом спросила оператор.

– К черному, – сказал Мэйкон. – Нет, погодите. Скоропортящиеся продукты подвезите к черному ходу, а собачий корм оставьте возле угольного желоба.

– Возле угольного желоба, – повторила оператор, видимо записывая.

– Он с торца дома. Но кошачью еду там не оставляйте, она идет вместе со скоропортящимися продуктами.

– Минутку, позвольте...

– А верхние пункты – к парадной двери.

– Какие еще верхние пункты?

– Зубная паста, плавающее мыло, собачье печенье...

– Кажется, вы сказали, собачье печенье идет к угольному желобу.

– Не печенье, а корм собачий! Это корм идет к угольному желобу, черт бы вас побрал!

– Эй, послушайте! – возмутилась оператор. – Нельзя ли повежливее?

– Ладно, извините. По-моему, ничего сложного: я хочу, чтобы коробка «Молочной косточки» была у меня под рукой в спальне. Если Эдварда угостить промасленным попкорном, у него будет расстройство желудка, а иначе я бы слова не сказал. Не подумайте, что я собираюсь сам жрать печенье, но Эдвард очень чувствителен к жирному, а я в доме один, и если его вырвет, то убирать мне. Больше некому, я совсем один, один-одинешенек, как будто все... сбежали от меня, что ли, я всех лишился и вот теперь стою и вопрошаю: куда все подевались? Где вы? Боже мой, чем я так сильно провинился?

Голос его осекся, Мэйкон бросил трубку. Уставившись на телефон, потер лоб. Он сказал ей свою фамилию? Или нет? Не вспомнить. Господи, пусть он не успел назваться!

Он явно дошел до ручки. А теперь надо взять себя в руки. Первым делом – долой спортивный костюм. Это какое-то проклятье. Мэйкон хлопнул в ладоши и направился к лестнице. В ванной стянул с себя спортивный костюм и кинул его в душевой поддон. Вчерашний костюм, все еще влажный, висел на перекладине шторы. Наверняка к вечеру не высохнет. Промашка. Надо же так свалить дурака! Еще чуть-чуть – и он превратится в жалкую личность, какую иногда встретишь на улице: немытая, небритая, нечесаная, затрапезно одетая, она бредет бесцельно и что-то себе под нос бормочет.

Нарядившись в белую рубашку и брюки хаки, Мэйкон понес непросохший костюм в подвал. Пожалуй, зимой он сойдет за теплую пижаму. Мэйкон положил костюм в сушильный агре-

гат, вернул на место откачной рукав и задал режим сушки. Лучше потратить немного электроэнергии, чем впадать в отчаяние из-за сырого спортивного костюма.

У входа в подвал заскулил Эдвард. Пес оголодал, но не отваживался самостоятельно сойти в подzemелье. Увидев Мэйкона, он распластался на верхней ступеньке, всем своим видом выражая мольбу.

– Трус! – пристыдил его Мэйкон.

Он сграбастал пса на руки и понес вниз. Эдвард заклацал зубами, отбивая мелкую дробь. Может, он что-то чувствует? – подумал Мэйкон. Привидение или что-нибудь этакое? Прошло довольно много времени, а пес по-прежнему боялся подвала и порой, замерев перед миской с едой, напряживал лужу, даже не удосужившись поднять лапу.

– Ты себя ведешь как дурак, – сказал Мэйкон.

И тут вдруг раздался зловещий вой, донесшийся неведь откуда. Равномерный, нараставший, он как будто заполнял собою все пространство. Эдвард, видимо, давно ожидал чего-то подобного, ибо мгновенно лягнулся, крепкими когтистыми лапами засадив хозяину под дых. Мэйкон поперхнулся. Эдвард слепо рванул вперед и, отрикошетив от мокрых спальных мешков на веревке, вновь врезал Мэйкону в живот. Мэйкон покачнулся, угодил ногой в корзину на колесиках и, потеряв равновесие, рухнул плашмя.

На липком цементном полу он лежал навзничь, подвернув под себя левую ногу, сложившуюся вдвое. Вой, из-за которого все это случилось, на долю секунды стих, затем возобновился. Теперь было ясно, что исходит он из откачной трубы.

– Зараза! Неужели эта кретинская кошка не могла сообразить, что сушилка работает? – сказал Мэйкон оседлавшему его Эдварду. Пес судорожно дышал.

Все стало понятно. Кошку, желавшую войти обычным путем, встретил свистящий поток воздуха, но она упрямо лезла в рукав. Можно представить ее глаза, под пыльным ветром превратившиеся в щелочки, и уши, прижатые к башке. Кошка негодуяще выла, но держалась привычного курса. Потрясающее упорство!

Мэйкон спихнул с себя Эдварда и перекатился на живот. Даже такое незамысловатое движение аукнулось дикой болью. К горлу подкатила тошнота, но Мэйкон, волоча ногу, сделал еще переворот. Стиснув зубы, он дотянулся до дверцы сушилки и открыл ее. Спортивный костюм медленно прекратил вращение. Кошачий ор смолк. Через минуту показалась встрепанная Хелен, задом выбиравшаяся из рукава, который вдруг вывалился из оконного проема и шлепнулся в поддон. Но кошка успела выскочить. Похоже, она не пострадала, только вид у нее был слегка взъерошенный. Проводив взглядом Хелен, шмыгнувшую в другое окно, Мэйкон набрал в грудь воздух и начал долгий мучительный подъем из подвала.

Глава пятая

Из кухни доносилось Розино пение.

– Ах, сильно я плутала, много напортачила... – выводила сестра дребезжащим старушечьим фальцетом, хотя была моложе Мэйкона. Такие голоса услышишь в сельской церкви где-нибудь в глубинке, где и сейчас женщины носят плоские соломенные шляпки. – Грешила и дурила, но я лишь странник божий к блаженству на пути...

На террасе дедова дома Мэйкон лежал на кушетке. Левая нога, от середины бедра до ступни закованная в гипс, не то чтоб беспокоила, а вроде как отсутствовала. Постоянное ватное чувство онемелости порождало желание ущипнуть себя за голень. Но это невозможно, когда ты огражден от самого себя. Даже мощный удар кулаком по лубку ощущался лишь стуком в стену недовольных соседей.

И все же Мэйкон был, можно сказать, удовлетворен. Прислушиваясь, как на кухне сестра готовит завтрак, он рассеянно почесывал кошку, угнездившуюся в одеяле.

– Прошла чрез испытанья, прошла через печаль я... – весело распевала Роза, – извела я горе, и жертвы были тож...

Сейчас она поставит кофейник на плиту и поможет Мэйкону пересечь гостиную, добраться до туалета. Пока что он не решался на одиночное плавание, особенно по натертым полам. Теперь он восхищался увечными на костылях, которых прежде не замечал. Они напоминали стаю длинноногих птиц на мелководье, что с ошеломляющей лихостью совершают прыжки и плавные пируэты. Как это они умудряются?

У стены стояли его собственные новенькие костыли с еще нестертыми резиновыми набалдашниками. На спинке стула висел халат. Возле окна расположился раскладной ломберный столик на шатких ножках, с картонной столешницей под дерево. Дед с бабкой давно умерли, но столик был на прежнем месте, словно готовый для их вечного бриджа. Мэйкон знал, что с изнанки столешницы есть пожелтевшая этикетка с надписью «Пр-во комп. Атлант» и тисненым рисунком: шесть угрюмых толстяков в крахмальных воротничках стоят на доске, уложенной на этот самый столик. ОБМАНЧИВО ХРУПКАЯ МЕБЕЛЬ, гласил рекламный слоган. Фраза эта – обманчивая хрупкость – ассоциировалась с бабкой. Мальчишкой Мэйкон лежал на полу террасы и разглядывал бабкины тощие лодыжки, на которых кости выпирали, точно круглые дверные ручки. Ступни, обутые в прочные черные башмаки на низком каблуке, на фут отстояли друг от друга. Бабка никогда не притоптывала и не возила ногами.

Наверху брат Портер подсвистывал Розиной песне. Мэйкон знал, что это Портер, поскольку Чарлз никогда не свистел. Шумел душ. Сестра заглянула на веранду, следом просунулся Эдвард и, увидев Мэйкона, часто задышал, как будто засмеялся.

– Ты проснулся? – спросила Роза.

– Да уж давно, – сказал Мэйкон. В сестре было нечто, заставлявшее братьев притворяться бедными и несчастными, когда она уделяла им внимание. Миловидная, но неяркая, Роза собирала темно-русые волосы в неказистый пучок, чтоб просто не мешали. Она сохранила девичью фигуру, но наряд вековухи скрывал ее формы.

Роза подала Мэйкону халат и помогла подняться. Вот теперь нога заныла ужасно. Похоже, это было как-то связано с гравитацией. Пульсирующая боль медленно сползала по всей кости. С одного боку опираясь на Розу, а с другого на костыль, Мэйкон запрыгал в гостиную с обшарпанной резной мебелью. Под ногами путался пес.

– Может, я минутку передохну? – сказал Мэйкон, минуя диван.

– Осталось немножко.

Добрались до кладовой. Роза открыла дверь туалета, помогла Мэйкону войти.

– Позови, как закончишь, – сказала она, затворяя за ним дверь. Мэйкон осел на унитаза.

За завтраком Портер оживленно балаболил, остальные ели молча. Ладно скроенный пшеничный блондин, он был самый симпатичный из всех Лири. И в отличие от братьев выглядел энергичным и целеустремленным.

– Сегодня у меня куча дел, – с набитым ртом говорил Портер. – Встреча с Херрином, отбор кандидатов на место Дейва, из Атланты прилетает Кейтс...

Чарлз прихлебывал кофе. Он еще был в пижаме, контрастировавшей с костюмом Портера. Казалось, этот рыхлый человек с добрым лицом вообще не шевелится; при всяком взгляде на него вы неизменно встречались с печальными глазами, чуть скошенными по внешнему краю.

Роза принесла подогретый кофейник.

– Этой ночью Эдвард дважды меня будил, просился на улицу, – сказала она. – Может, у него нелады с почками?

– Он приноравливается, – объяснил Мэйкон. – Привыкает к перемене. Удивительно, как он соображает, что нельзя будить меня.

– Может, соорудить ему какой-нибудь лаз? – предложил Портер. – Типа такой дверки для домашних питомцев.

– Он толстый, в дверку не пролезет, – возразил Мэйкон.

– И потом, двор не огорожен, – сказала Роза. – Одного его выпускать нельзя.

– Тогда лоток, – не сдавался Портер.

– Лоток? Собаке?

– А что? Сделать побольше.

– Тогда уж взять ванну, – сказал Мэйкон. – Из подвала. Ею никто не пользуется.

– А кто будет за ним убирать?

– М-да.

Все посмотрели на Эдварда, лежавшего у Розы в ногах. Пес ответил взглядом исподлобья.

– Откуда он вообще взялся? – спросил Портер.

– Итан завел, – сказал Мэйкон.

– А, понятно. – Портер кашлянул и вновь забалаболил: – Зверье! Вы не задумывались, кем они нас считают? В смысле, вот мы пришли из магазина, нагруженные курами, свининой, здоровенным окороком. Ушли мы утром, вернулись вечером и, стало быть, за день наловили уйму добычи. Наверняка в глазах питомцев мы величайшие на свете охотники!

Мэйкон откинулся в кресле, баюкая в ладонях кружку с кофе. Пригревало солнышко, с кухни вкусно пахло поджаренным хлебом. Возникла странная мысль: а что, если он неосознанно, шаг за шагом сам подстраивал свое увечье, чтобы вот так спокойно сидеть в кругу близких, с кем начиналась его жизнь?

Чарлз и Портер уехали на фабрику, наверху Роза начала пылесосить. Мэйкон предполагал поработать над путеводителем, но, добравшись до террасы, вырубился. В родном доме он ужасно много спал. Сонливость, тяжелая, как черное пушечное ядро, одолевала его, и он безвольно ронял голову на грудь.

На стене висел групповой портрет Чарлза, Портера, Мэйкона и Розы, сгрудившихся в кресле. Его заказал их дед, еще до того как дети к нему переехали. Тогда они жили в Калифорнии вместе с матерью – молодой и ветреной вдовой военного. Время от времени она посылала деду фотографии внуков, но тот был недоволен. Снимки, ворчал он в письмах, лживы по своей природе. Они показывают, каков человек в мимолетную долю секунды, но чтоб толком его разглядеть, нужны долгие неспешные минуты. Тогда, говорила Алиша, картины, выходит, тоже врут? Вместо минут они отражают часы. Говорила она это не деду, а художнику, пожилому калифорнийцу, которого дед Лири как-то умудрился разыскать. Мэйкон не помнил, что ответил художник и ответил ли вообще.

Но он помнил сеансы позирования, и сейчас, глядя на портрет в золоченой раме, четко видел мать: в розовом кимоно она стоит чуть поодаль, полотенцем сушит волосы и наблюдает, как картина обретает форму. Пушистые ломкие волосы она стригла коротко и, по ее выражению, «помогала» им с цветом. Такой тип лица нынче уж не встретишь – он не просто немоден, он сгинул вообще. Как это женщины себя формируют, чтоб выглядеть современно? Куда подевались округлые подбородки, выпуклые лбы и маленькие пухлые барочные рты, столь модные в сороковые годы?

Художник явно считал мать весьма привлекательной. То и дело он отвлекался от работы и говорил, что хотел бы видеть ее своей моделью. В ответ Алиша издавала беззвучный смех и отмахивалась. Возможно, раз-другой она с ним встретилась. Мать вечно сходилась с новым мужчиной, и всякий раз он оказывался, по ее словам, невероятным, потрясающим человеком. Если это был художник, она устраивала званый вечер и заставляла всех гостей покупать его картины. Если по выходным он летал на спортивном самолете, она записывалась на курсы пилотирования. Если он был политик, она стояла на уличном углу и всучивала петиции прохожим. Дети ее были слишком малы, чтобы тревожиться из-за маминых хахалей, да те и повода для тревог не давали. Нет, их беспокоила ее фонтанировавшая восторженностью, бешеной стремлиной увлечений, друзей, любовников и дел. Она как будто постоянно ходила по краю. Ни в чем не знала удержу. Голос ее так звенел, словно вот-вот оборвется. Чем быстрее она тараторила, чем ярче горели ее глаза, тем пристальнее смотрели на нее дети, словно призывая последовать их примеру уравновешенности и надежности.

– Да что с вами? – спрашивала мать. – Чего вы такие деревянные? – И, махнув на них рукой, упархивала к своим приятелям. В прихожей, дожидаясь ее возвращения, малышка Роза сосала большой палец и гладила старую меховую накидку, которую Алиша больше не носила.

Порой мать изливала свою неумность на детей, что доставляло им большие неудобства. Она тащила их в цирк и пичкала сладкой ватой, которую они, чистюли, терпеть не могли. Срывала со школьных занятий и отправляла пожить в экспериментальной общине, где все ходили голые. Озябшие и несчастные, они сидели в актовом зале, нахохлившись, зажав ладони меж голых коленей. На Хэллоуин мать наряжалась ведьмой и вместе с ними отправлялась выпрашивать угощение, а их от стыда коржило, ибо она, как всегда, увлекшись, гоготала, каркала, подбегала к незнакомым людям и грозила им облезлой метлой. Однажды Алиша надумала сшить себе и Розе одинаковые ярко-розовые платья с рукавами-буфами, но бросила эту затею и расплакалась, швейной машинкой прострочив себе палец. (Она вечно ранилась. Наверное, из-за спешки.) Потом было еще что-то, еще что-то, еще что-то. Перемены, казалось, стали ее религией. Тебе грустно? Заведи нового мужика! Одолели кредиторы, пора платить за жилье, температурят дети? Переезжай на новую квартиру! За год они сменили столько адресов, что после школы Мэйкон не сразу соображал, в какую сторону идти.

В 1950-м мать решила выйти за инженера, который по всему миру возводил мосты.

– Португалия. Панама. Бразилия, – сообщила она. – Наконец-то мы увидим нашу планету.

Дети каменно молчали, поскольку даже не помнили, встречались ли с этим человеком.

– Вы что, не рады? – спросила мать. Позже – кажется, это было после того, как ее избранник сводил их всех в ресторан, – она известила, что решила отправить их к деду с бабушкой. – Все-таки в Балтиморе вам будет лучше, – сказала мать.

Они взъерепенились? Не вспомнить. Детство виделось таким стеклянным кубом, из которого Мэйкон безмолвно следил за пробегавшими мимо взрослыми, что-то ему говорившими и все время что-то менявшими. Как бы то ни было, одним жарким июньским вечером Алиша посадила детей в самолет до Балтимора. Там их встретили дед с бабушкой – худые суровые старики в безупречной темной одежде. Детям они сразу понравились.

С тех пор Алиша появлялась лишь изредка и ненадолго, с охапкой ерундовых подарков из заморских краев. В кричащих платьях и с чересчур ярким макияжем она казалась чужестранкой. А ее смешили сине-белая школьная форма и идеальная осанка детей.

– Господи, до чего же вы стали скучные! – негодовала она, явно забыв, что всегда считала их занудами. – Вы копия своего отца, – говорила она, и это, похоже, не было комплиментом. (Если дети просили рассказать о нем, она только скашивала глаза и бasila: «Ох, Алиша, когда ты наконец повзрослеешь!»)

Позже, когда сыновья ее сами стали мужьями, она, вероятно, увидела в них еще большее сходство со своим первым супругом, ибо в разное время извинилась перед всеми тремя невестками за то, что им приходится терпеть. Мэйкону она представлялась этакой феей-озорницей, которая врывается в их жизни, а потом исчезала, оставив шлейф безответственных высказываний и ничуть не заботясь об их последствиях.

– Не понимаю, как ты столько времени живешь с одним и тем же мужем, – говорила мать Саре. Сама она уже в четвертый раз была замужем – за ландшафтным архитектором с седой козлиной бородкой.

Спору нет, дети с портрета походили на нее мало. В них не было ее синевы-золотистости: пепельные волосы, стального цвета глаза. У всех ярко выраженная ложбинка над верхней губой. Взгляд напряженный и подозрительный, совершенно не свойственный Алише.

Застыв в неловкой мизансцене, дети смотрят с полотна. Два старших мальчика, пухлый Чарлз и симпатяга Портер, в белых рубашках-апах унасестились на подлокотниках. На сиденье – Роза и Мэйкон в костюмчиках. Роза вроде как присела к Мэйкону на колени, однако на самом-то деле она втиснулась к нему между ног, и он помнил это неприятное ощущение чужой непривычной близости. У всех четверых волосы гладко зачесаны на лоб. Тонкие, почти бесцветные губы Мэйкона плотно сжаты, словно он готов что-то отстаивать. Знакомое выражение. Мэйкон отвернулся, потом вновь посмотрел на портрет. Рот Итана. Двенадцать лет Мэйкон представлял себе сына таким заезжим студентом, гостем из внешнего мира, а теперь вот оказывается, что он всегда был Лири. Какое странное и запоздалое открытие.

Мэйкон резко сел и потянулся за брюками, у которых Роза отрезала левую штанину, обметав край ровными мелкими стежками.

На всем свете ни одна душа не знала, где он. Ни Джулиан, ни Сара, никто вообще. Мэйкону это нравилось.

– Как приятно быть недостижимым, – поделился он с Розой. – Хорошо бы какое-то время так оно и оставалось.

– А что мешает?

– Ну как? Кто-нибудь сюда позвонит, Сара или еще кто...

– Можно не брать трубку.

– Что, пусть себе трезвонит?

– А что такого?

– Вообще не подходить к телефону?

– Мне звонят только соседи, – сказала Роза. – Не дозвонятся – заглянут. А братья, ты же знаешь, не жалуют телефон.

– Да, верно.

Джулиан постучит в его дверь, намереваясь устроить выволочку за срыв сроков. И уйдет несолоно хлебавши. Потом за половником или еще чем-нибудь заявится Сара, никто ей не откроет, она спросит соседей, а те скажут, что уж давно его не видели. Она попробует дозвониться до его родных, но в телефонной трубке гудки, гудки, и тогда она забеспокоится. *Что произошло?* – станет теряться она в догадках. *Как я могла бросить его одного?*

Мэйкон подметил, что с недавних пор Сара видится ему этаким врагом. Он уже не тосковал по ней и начал измышлять ей муки совести. Удивительно, как быстро он переменялся. Значит, таков он, плод двадцатилетнего брака? Мэйкон с удовольствием воображал, как Сара казнится. Вновь и вновь придумывал ей покаянные слова. Такого с ним не было с детства, когда он представлял мать, рыдающую на его похоронах.

Бывало, днем он работал за обеденным столом, и тут вдруг телефон звонил, и тогда пальцы замирали на клавиатуре пишущей машинки. Один звонок, второй. Третий. Со средством для чистки серебра в комнату входила Роза. Похоже, она не слышала звонков.

– А вдруг что-нибудь неотложное? – спрашивал Мэйкон.

– Хм. Кто это по неотложности будет звонить *нам*? – Роза усаживалась с другого краю стола и начинала чистить столовое серебро.

В семье всегда кто-нибудь нуждался в ее заботе. Покойная бабушка, которая долгие годы была прикована к постели, потом сильно одряхлевший дед, затем Чарлз и следом Портер, после распавшихся браков вернувшиеся домой. И потому она сама решала, чем ей заняться. Или придумывала себе занятие, поскольку не было никакой нужды чистить каждую серебряную ложку-вилку еженедельно. Мэйкон, в силу обстоятельств проводивший с ней целые дни, видел, с каким тщанием она составляет меню семейных трапез, как часто перекладывает кухонную утварь на место удобнее, как гладит даже носки, предварительно освободив их от пластмассовых прищепок, с которыми во избежание путаницы они загружались в стиральную машину. Ему на обед она готовила натуральное мясо, стол сервировала с подставками под тарелки. В граненых мисочках подавала пикули и оливки, которые потом возвращались в свои банки несъеденными. В розетку накладывала чуть-чуть майонезу собственного приготовления.

Понимает ли она, раздумывал Мэйкон, что живет странной жизнью – без работы, без мужа, на иждивении у братьев? А вот какая работа ей бы стоилась? – прикидывал он. Пожалуй, ее можно представить в роли оплота какой-нибудь старой солидной юридической или бухгалтерской фирмы. Номинально секретарша, фактически она бы сама всем заправляла, по утрам выкладывая список дел на стол босса и не позволяя никому, независимо от ранга, упустить ни единой мелочи. Он бы хотел иметь такую секретаршу. Не чета рыжей бестии с неизменной жвачкой во рту в кавардачном офисе Джулиана. Эх, побольше бы на свете таких как Роза, вздыхал Мэйкон.

Он выдернул лист из каретки и положил в стопку готовых страниц. Мэйкон уже разделался с введением (общие наставления типа *Сабвей – это не метро* и *Не говорите «уборная», говорите «туалет»*) и закончил главу «Попытка поесть в Англии». Вчера Роза отправила их издателю. Это был новый тактический ход – высылать книжку частями, не раскрывая своего местоположения.

– Ты не указал обратный адрес, – сказала Роза.

– Так и задумано, – ответил Мэйкон.

С важным видом Роза кивнула. В семье только она считала путеводители Мэйкона настоящей литературой. В алфавитном порядке они стояли на стеллаже в ее спальне.

После обеда Роза прекращала работать и смотрела свою любимую мыльную оперу. Мэйкон этого не понимал. Зачем тратить время на подобную чушь?

– Там есть одна обворожительная злодейка, – объясняла Роза.

– В жизни и так полно злодеев, – говорил Мэйкон.

– Да, но не обворожительных.

– Уж это точно.

– Тут, понимаешь, все как на ладони. Сразу ясно, кому нельзя доверять.

Роза смотрела сериал и вслух общалась с персонажами. В столовой Мэйкон слышал ее голос.

– На кой ляд ты ему сдалась, милашка, – говорила Роза в абсолютно несвойственной ей манере. – погоди, сама все поймешь. Ха-ха!

Пошла реклама, но сестра заворуженно пялилась в экран. Мэйкон работал над главой «Попытка поспать в Англии» и вяло долбил по клавишам.

Звякнул дверной звонок, но Роза не откликнулась. Эдвард зашелся лаем, царапнул дверь, подбежал к Мэйкону и кинулся обратно в прихожую.

– Роза! – крикнул Мэйкон. Ответа не было. Наконец Мэйкон встал, подвесился на костыли и, стараясь не шуметь, поскакал к двери.

Взгляд сквозь тюлевую занавеску сообщил, что это не Сара. Мэйкон приоткрыл дверь и высунул голову:

– Да?

Приехал его сосед Гарнер Болт, костлявый тщедушный старикашка, сколотивший состояние на чистящих средствах. Он увидел Мэйкона, и все морщины на его подвижном заостренном лице загнулись кверху.

– Вот вы где! – Из-за лая вконец обезумевшего Эдварда его было почти не слышно.

– В чем дело, Гарнер? – спросил Мэйкон.

– Мы испугались, что вы померли.

– Вот как?

Мэйкон цапнул Эдварда за ошейник, но промазал.

– На лужайке куча газет, под дверью почта – уж не знали, что и думать.

– Да, я хотел послать сестру забрать корреспонденцию. Я, понимаете ли, ногу сломал.

– Ох ты, как же это?

– Долгая история. – Мэйкон неохотно отступил в сторону: – Ну ладно, входите.

Гарнер снял бейсболку с логотипом «Краски Шервин-Уильямс». Он был в коричневом пиджаке, от старости залоснившемся, и комбинезоне, на лямках вытертом до белизны. Гарнер перешагнул порог, шарахнулся от собаки и закрыл дверь. Теперь Эдвард заскулил.

– У меня машина забита вашей почтой, – сказал Гарнер. – Бренда говорит, отвези его сестре и справься о нем. И подружке вашей я обещал разузнать.

– Какой подружке?

– Дамочке в бриджах.

– Не знаю никакой дамочки в бриджах, – сказал Мэйкон. Он даже не знал, что бриджи еще существуют.

– Она стояла на вашем крыльце, дергала дверную ручку и кричала: «Мэйкон, вы дома?» Такая худышка, лохматая. Лет двадцати пяти, где-то так.

– Не представляю, кто это.

– Ладони этак ширмочкой сделала и зырила сквозь стекло.

– Кто же это мог быть?

– Чуть не скovyрнулась с крыльца, пока спускалась на высоченных каблучицах.

– Собачница! – догадался Мэйкон. – Господи!

– Молодуха, да?

– Я с ней едва знаком.

– Прошла к черному ходу и опять зовет: Мэйкон, Мэйкон!

– Я ее видел-то два раза.

– Это она сказала мне про воротца.

– Про что?

– Ну, воротца у подвала, где все стекла побиты. Осень придет, включится отопление. Расход тепла и прочего.

– А, да. Наверное.

– Мы подумали, к вам воры залезли или еще что.

Мэйкон провел его в столовую.

– Понимаете, как вышло: я сломал ногу и решил пожить у родных, пока не оправлюсь.

– Мы не видели «скорой» и ничего такого.

– Я позвонил сестре.

– Она у вас врач?

– Нет, чтоб приехала и отвезла меня в травмпункт.

– Когда Бренда оступилась на лестнице и сломала бедро, она вызвала «скорую», – сказал Гарнер.

– А я вот вызвал сестру.

– Нет, Бренда вызвала «скорую».

Разговор, похоже, забуксовал.

– Я думаю, надо уведомить почту насчет моей корреспонденции, – вырулил Мэйкон, опускаясь в кресло.

Гарнер подтянул к себе другое кресло и сел в него, не расставаясь с бейсболкой.

– Я и дальше могу привозить вам письма, – сказал он.

– Да нет, Роза ходит на почту. Господи, там же, наверное, всяких счетов скопилось...

– А то мне совсем нетрудно.

– Спасибо, не нужно.

– А то давайте.

– По правде, я не уверен, что вернусь домой, – сказал Мэйкон. Мысль эта пришла только сейчас. Он аккуратно сложил костыли, словно хаши, и положил их на пол возле кресла. – Возможно, буду жить здесь с родными.

– Бросите такой славный домик?

– Для одного он вроде как великоват.

Гарнер нахмурился, разглядывая бейсболку. Потом ее надел, но передумал и опять снял.

– Знаете, – сказал он, – когда мы с Брендой только поженились, у нас была не жизнь, а кошмар. Чистый кошмар. Мы друг друга не выносили, и я даже не знаю, как это мы не разбежались.

– Но мы-то не новобрачные. Двадцать лет прожили.

– Однажды мы почти весь год не разговаривали, – продолжил Гарнер. – С января по август тридцать пятого. С Нового года до моего отпуска. Ни словечка не сказали.

– Да ну? – заинтересовался Мэйкон. – Даже «передай соль» или «открой окно»?

– Даже этого.

– А как же вы жили-то?

– В основном она жила у сестры.

– Ах так.

– Утром в первый день отпуска мне было так паршиво, аж сдохнуть хотелось. Чего же это я вытворяю? – сказал я себе. По межгороду позвонил в Оушен-Сити и заказал номер на двоих. Межгород, тогда это была такая морока, доложу я вам. Одна телефонистка, другая телефонистка, и все это стоило кучу денег. Потом побросал я в чемодан кое-какие шмотки, свои и Бренды, и поехал к ейной сестре. «Чё те надо?» – встречает меня сестрица. Такая склочная баба. Я мимо нее. Бренда сидит в гостиной, штопает чулок. Открываю чемодан. Глянь, говорю. Вот твоё платье на бретельках, чтоб сходить в ресторан морепродуктов. Двое шортов. Пара блузок. Купальник. Она и ухом не ведет. Твой халат, говорю, и ночнушка с медового месяца. Она сидит, будто меня здесь и нет. Бренда, говорю, мне, говорю, девятнадцать, и второй раз девятнадцать уже не будет. Не будет, говорю, ещё одной жизни. Жизнь, Бренда, она, говорю, вроде как одна, и я уже ухлопал её здоровенный кусок, пока весь такой гордый сидел один в пустой квартире, я, говорю, не шел на мировую, потому что шибко боялся, что ты скажешь «нет», но даже если сейчас ты скажешь «нет», хуже мне уже не будет. Я самый одинокий чело-

век на белом свете, говорю, пожалуйста, Бренда, говорю, поехали со мной в Оушен-Сити. И Бренда откладывает свою штопку и говорит: ладно, раз уж ты просишь, но ты, по-моему, забыл мою купальную шапочку. И мы поехали. – Гарнер победоносно откинулся в кресле. – Вот.

– Угу, – сказал Мэйкон.

– То есть вы уловили мою мысль?

– Какую?

– Надо ей намекнуть, что она вам нужна.

– Знаете, Гарнер, по-моему, мы с ней уже миновали всякую ерунду вроде намеков...

– Не взыщите, Мэйкон, но я скажу без обиняков: порой вы слегка огорчаете. Я не о себе, учтите, я-то понимаю. Но вот других соседей это маленько задевает. Вот, скажем, ваше несчастье. Я к тому, что в таких случаях люди всегда хотят оказать поддержку – ну там прислать цветы, зайти проститься с покойным, принести запеканку на поминки. Но у вас даже панихиды не было. И словом не обмолвились, но где-то там в богом забытой Вирджинии провели кремацию и прямиком домой. Пег Эверетт говорит вам, что молится за вас; благослови вас Господь, отвечает ей Сара, а что сказали вы? Спросили, не возьмет ли ее сын велик Итана, а то все равно выбрасывать.

Мэйкон простонал.

– Верно, – сказал он. – Я не знаю, как себя вести в таких случаях.

– И затем вы стрижете лужайку как ни в чем не бывало.

– Так трава-то растет.

– Да любой бы с радостью сделал это за вас.

– Спасибо, конечно, но работа доставила мне удовольствие.

– Вот. Понимаете, к чему я клоню?

– Нет, погодите. Давайте немного упорядочим нашу беседу...

– Вот об этом-то я и говорю!

– Вы начали о Саре. И перескочили на то, как я огорчаю соседей.

– Так это одно и то же. Может, вы не в курсе, но со стороны вы смотрите, как будто вы сам по себе. Вы гляньте, как вы ходите! Вы ж несетесь галопом, голова впереди ног. Если кто попробует вас остановить, чтоб... я не знаю... ну там выразить соболезнование, вы же его стопчете. Я-то знаю, что вам не все равно, и вы это знаете, но как это выглядит для других, скажите на милость? Неудивительно, что она взяла и ушла.

– Я ценю вашу заботу, Гарнер, но Сара прекрасно знает, что мне не все равно. Не такой уж я недотепа, каким вы меняставляете. И потом, наш случай не из простенького разряда брак-этот-можно-спасти. Я хочу сказать, вы чертовски *заблуждаетесь*, Гарнер.

– Ладно. – Старик уставился на бейсболку, потом резко ее напялил: – Принесу-ка я вашу почту.

– Хорошо. Спасибо.

Шаркая, Гарнер вышел на улицу. Его уход встревожил Эдварда, пес опять залаял. Мэйкон разглядывал свою гипсовую броню и прислушивался к репликам мыльной оперы, доносившимся из гостиной. Эдвард крутился у двери, подвывая и стуча когтями. Вернулся Гарнер.

– В основном каталоги, – сказал он, сгружая ношу на стол. От него пахло уличной свежестью и сухими листьями. – С газетами не заморачивайся, сказала Бренда, выкинь, и все.

– Да, конечно. – Мэйкон встал. Пожали друг другу руки. Жесткая ладонь и узловатые пальцы Гарнера на ощупь были точно скомканная бумага. – Спасибо, что зашли.

– Пустяки, – сказал Гарнер, глядя в сторону.

– Вы уж извините, если я... показался несдержанным.

– Да нет. – Гарнер вяло махнул рукой: – Бог-то с ним. Не берите в голову.

Он развернулся к выходу, и Мэйкона тотчас затопило доводами, которые надо было привести. Не я один виноват, хотел он сказать. Сара тоже приложила руку. Ей нужен человек-скала,

хотел он сказать, такой вот несокрушимый. Иначе почему она выбрала в мужа меня? Но он промолчал и только смотрел старику в затылок. В бурой морщинистой ложбинке, резко обозначенной шейными жилами, было что-то жалкое.

С работы вернулись братья, в доме воцарилось умиротворение. В гостиной Роза задернула шторы и зажгла неяркий свет. Чарлз и Портер переоделись в свитеры. Мэйкон готовил свою особую салатную заправку. Он считал, что если пряности сперва потолочь в ступке, вкус будет совсем иной. Все соглашались, что заправка ему удастся как никому. «Вот ты уехал, – жаловался Чарлз, – и нам пришлось перебиваться магазинной дрянью». Он так говорил, словно Мэйкон куда-то отъезжал на неделю-другую, как будто все его супружество было лишь недолгой отлучкой.

На ужин Роза подала тушеное мясо, салат с заправкой Мэйкона и печеную картошку, их издавна любимое блюдо. Они пристрастились к ней еще малышней, и даже потом, когда подросли и могли приготовить себе что-то иное, всякий раз, как Алиша оставляла их на собственное попечение, питались исключительно печеной картошкой. В запахе печеного «айдахо» было что-то невероятно уютное и еще что-то такое *непреходящее*, как это для себя называл Мэйкон. Он хорошо помнил те давнишние зимние вечера: за кухонными окнами чернота, в углах копошится мохнатая тьма, а они вчетвером сидят за шербатым эмалированным столом и тщательно обмазывают маслом выскобленные картофелины. Пока масло впитывалось сквозь кожуру, готовился маринад; кожура сохранялась до самого конца. Это стало почти ритуалом. Помнится, однажды мать куда-то надолго отъехала и ее подруга Элиза приготовила им какую-то квелую фаршированную фигню, даже отдаленно не похожую на настоящую печеную картошку, под названием «картофельные кораблики». Они брезгливо сморщились, выковырнули начинку и съели только кожуру, притворившись, что не заметили кулинарной оплошности. Кожура должна хрустеть. Солить не надо. Перец должен быть свежемолотым. Паприка допускалась, но лишь американская. Венгерская чересчур жгучая. Мэйкон обходился без нее вообще.

За ужином Портер вслух раздумывал, что ему делать с детьми. Завтра очередное еженедельное свидание, он поедет в Вашингтон, где дети его жили с матерью.

– Штука в том, – говорил он, – что ресторанная кормежка ужасно ненатуральная. Настоящей едой там и не пахнет. И потом, у троицы моей разные вкусы. Вечно они спорят, куда пойти. Одна на диете, другая стала вегетарианкой, третий не выносит хрустящей еды. Кончается тем, что я ору: «Всё! Хватит! Идем туда-то!» И весь вечер все сидят надутые.

– Может, тебе вообще не ездить? – резонно предложил Чарлз. (Своих детей у него не было.)

– Да нет же, я хочу их провести. Просто желательна иная программа. Знаешь, что было бы идеально? Чтоб мы вместе что-нибудь мастерили. Как было до развода, когда Дэнни помогал мне сменить фильтр в водонагревателе, а Сьюзан сидела на доске, которую я пилил. Вот если б я приехал, а Джун с мужем свалили в кино или еще куда, и мы бы с ребяташками прочистили водостоки, утеплили окна, заизолировали трубы с горячей водой... От муженька этого толку ноль, наверняка трубы так и остались голые. Я бы даже захватил свои инструменты. Чудесно провели бы время! Сьюзан сварила бы нам какао. А вечером я бы собрал свои причиндалы и отбыл, оставив дом в идеальном состоянии. Джун должна бы ухватиться за такой шанс.

– Так предложи ей, – сказал Мэйкон.

– Нет. Она не согласится. Такая непрактичная. На прошлой неделе я ей говорю: ты заметила, говорю, что на крыльце ступенька расшаталась? Наступишь, она гуляет. Да ладно, отвечает, так всегда и было. Словно это предписано свыше и поделаться ничего нельзя. Водосток забит прошлогодней листвой, а она мне – это же природа, зачем идти против нее? Ужасно непрактичная.

Сам Портер был практичен невероятно, такого еще поискать. Из всех Лири только он разбирался в финансах. Лишь благодаря его финансовым способностям семейное дело, не особо прибыльное, держалось на плаву. В начале века дед Лири основал скобяную фабрику, которая в 1915-м перешла на выпуск бутылочных крышек. Он себя величал «Закупорочным королем», и прозвище это помянули в его некрологе, но вообще-то основным производителем крышек была «Бутылочная пробка», а дед Лири плелся на втором, а то и третьем месте. Единственный сын его, Закупорочный принц, едва заняв отцовское место, добровольцем ушел на Вторую мировую войну, выказав взбалмошность несравнимо опаснее любого закидона Алишы. После его гибели дело кое-как ковыляло без особых достижений, но и без полного краха, пока свежеиспеченный дипломированный специалист Портер не взял финансы в свои руки. Для него деньги были сродни летучему химическому веществу, которое в соединении с другими веществами дает любопытную реакцию. Портер не стремился к наживе, его интересовали не сами деньги, но захватывающие возможности, которые они открывали; кстати, после развода он без единого слова почти все свое имущество отдал жене.

Компанией управлял Портер, он контролировал финансы и рождал идеи. Чарлз, больше технарь, отвечал за производство. Когда Мэйкон работал на фабрике, он занимался всем понемногу, но чаще изнывал от скуки, поскольку для третьего человека дела, в общем-то, не было. Лишь в угоду семейной гармонии Портер постоянно уговаривал его вернуться.

– Слушай, Мэйкон, – и сейчас сказал он, – а не хочешь завтра прокатиться с нами, глянуть на свое бывшее поприще?

– Нет, спасибо, – ответил Мэйкон.

– На заднем сиденье ты и с костылями устроишься.

– Как-нибудь в другой раз.

После ужина Роза носила посуду в мойку, братья мотались следом. Помощь Роза не принимала – мол, у нее своя система мытья посуды. Бесшумно порхая по старомодной кухне, она расставляла тарелки в высокие деревянные шкафы. Чарлз вывел собаку – на костылях Мэйкон увяз бы в рыхлой земле. Портер задернул кухонные шторы и теперь просвещал Розу: ночи стали прохладнее, однако светлые поверхности отдают тепло помещению.

– Да знаю я. – Роза глянула салатницу на просвет и убрала в шкаф.

Потом все исполнительно посмотрели теленовости, а затем перешли на террасу и сели за ломберный столик, наследие деда с бабкой. Карточная игра «Прививка», которую в детстве они сами придумали, с годами стала такой головоломной, что никому другому не хватало терпения ей обучиться. Новичков возмущало, что правила ее менялись в зависимости от обстоятельств.

– Нет, минутку, – говорила Сара, еще не потеряв надежду освоить игру. – По-моему, вы сказали, что туз – старшая карта.

– Верно.

– Значит...

– Только если не берешь его из колоды.

– Ага. А почему Розин туз старший, ведь он из колоды?

– Потому что она его вытащила после двойки.

– Старшим считается туз, который оказался следом за двойкой?

– Нет, старший тот, который берешь за маленькой картой, вышедшей два раза подряд.

Сара свернула свой карточный веер и лицом вниз положила его на стол – из невесток она сдалась последней.

Мэйкон угодил в карантин, ему пришлось передать свои карты Розе. Та придвинулась ближе и ходила вместо него, а он, откинувшись в кресле, почесывал кошку за ухом. В застекленном переплете террасы Мэйкон видел собственное и сестрино отражения, казавшиеся выразительнее своих прототипов: черные провалы глаз, острые скулы.

В гостиной сдавленно тренькнул, а потом в полный голос прозвонил телефон. Никто, похоже, его не услышал. Роза королем побила даму Портера.

– Вот же зараза, – сказал Портер.

Телефон прозвонил еще и еще раз. На четвертом звонке осекся и смолк.

– Прививка! – Роза покрыла тузом короля.

– Ты воистину зараза, сестрица.

С портрета на стене маленькие Лири бросали затуманенные взоры. А ведь мы сидим почти в той же композиции, подумал Мэйкон. По бокам Чарлз и Портер, на первый план вылезла Роза. И что изменилось? Кольнуло нечто очень похожее на панику. Вот он здесь! Все тот же! *И чего я достиг?* – спросил себя Мэйкон. Сглатывая ком в горле, он смотрел на свои пустые руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.